

ИЗЪ ЖУРНАЛЬНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

(Литературныя характеристики и курьезы).

I.

За 35 лѣтъ.—Пренебрежительное отношеніе къ журналистамъ.—Почему нѣтъ исторіи русской журналистики.—Одесская печать въ 70-хъ годахъ.—Брошюра по восточному вопросу въ пользу славянъ.—Присвоеніе издателемъ славянскихъ денегъ.—Поѣздка въ Петербургъ.—Петербургскій университетъ славится своими юристами, а одесскій—естественниками.—Профессора—герои М.Горькаго.—Студенты—будущіе профессора.— Университетская атмосфера.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ своего 35-лѣтняго участія во многихъ органахъ печати, въ качествѣ сотрудника, члена редакцій и фактическаго редактора, я приходилъ въ соприкосновеніе со многими писателями, цензорами, властью имущими, но главнымъ образомъ съ газетною пишущею братьею, съ тѣми маленькими газетными работниками, которые дѣлають большое общественное и культурное дѣло.

О «газетчикахъ» принято говорить пренебрежительно. Оно не удивительно. Журналистъ часто затрагиваетъ чьи-нибудь интересы, больно бьетъ то по карману какого-нибудь дѣльца-хищника, то по самолюбію. Отсюда и обывательское недоброжелательство къ журналистамъ.

Сами газетчики, которые пишутъ рѣшительно обо всемъ на свѣтѣ и обо всѣхъ, о себѣ пишутъ мало или ничего.

О какомъ-нибудь модномъ писателѣ, о томъ, какъ онъ работаетъ, отдыхаетъ, ѣстъ, одѣвается, — пишутъ больше, чѣмъ о всѣхъ русскихъ журналистахъ, вмѣстѣ взятыхъ.

У насъ нѣтъ, напримѣръ, до сихъ поръ исторіи газетнаго дѣла въ Россіи, которая такъ необходима и была бы весьма назидательна во многихъ отношеніяхъ. Я не собираюсь восполнить этотъ пробѣлъ, но, быть можетъ, читатели найдутъ небезынтересными клочки воспоминаній стараго газетнаго работника о журнальныхъ дѣятеляхъ и журналисткѣ конца прошлаго вѣка.

Начало моихъ воспоминаній относится къ 70-мъ годамъ, когда я дебютировалъ въ одесскихъ газетахъ небольшими статейками.

Одесскія газеты выдавались тогда среди органовъ провинціальной прессы своею литературностью и прогрессивнымъ направленіемъ. Онѣ жили еще традиціями сравнительно недавней эпохи бывшаго попечителя одесскаго учебнаго округа Пирогова, который не существующій нынѣ «Одесскій Вѣстникъ» превратилъ въ органъ Ришельевского лицея и завѣщалъ его сотрудникамъ въ своемъ напутственномъ словѣ—служеніе прогрессу и толерантное отношеніе къ разноплеменному населенію края.

Старѣйшая одесская газета «Одесскій Вѣстникъ», который сталъ выходить еще въ 1827 году, по распоряженію генераль-губернатора М. С. Воронцова, на русскомъ и французскомъ языкахъ (на послѣднемъ подъ заглавіемъ «Journal d'Odessa»), съ 1857 года перешелъ въ вѣдѣніе Ришельевского музея. Редакторами его были назначены профессоръ А. И. Богдановскій и А. Георгіевскій. Н. И. Пироговъ помѣстилъ въ газетѣ рядъ замѣчательныхъ статей. Черезъ нѣкоторое время газета, направленіе которой было признано зловреднымъ, снова попадаетъ на нѣсколько лѣтъ въ вѣдѣніе генераль-губернатора.

Въ качествѣ редакторовъ, чередовались братья Сокальскіе, изъ коихъ одинъ былъ извѣстенъ, какъ музыкантъ.

Съ однимъ изъ Сокальскихъ приключился трагическій эпизодъ. Поклонникъ женскаго пола, онъ предпочиталъ и женскій трудъ, и однажды просившей у него работы барышнѣ В—цкой назначилъ пріемъ «для объясненій по дѣламъ редакціи» въ укромномъ мѣстѣ городского сада, откуда пытался увезти куда-то сотрудницу въ закрытой каретѣ. За такія, не совсѣмъ обычные, объясненія по дѣламъ редакціи Сокальскій попалъ подъ судъ и понесъ соотвѣтствующее наказаніе.

Послѣ Сокальскихъ редактированіе «Одесскаго Вѣстника» перешло къ популярному нѣкогда земцу перваго призыва и бывшему одесскому городскому головѣ Павлу Александровичу Зеленому, подвизавшемуся одно время въ коршевскихъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», вмѣстѣ съ А. С. Суворинымъ-Незнакомцемъ, К. К. Арсеньевымъ, К. Д. Кавелинымъ, Головачевымъ, Воропоновымъ,

Гайдебуровымъ и др., увѣковѣченными на сохранившейся у оставшихся въ живыхъ сотрудниковъ этой прогрессивной нѣкогда газеты редакціонной фотографической группѣ.

Какъ редакторъ, Зеленой отдавалъ предпочтеніе земскимъ и городскимъ дѣламъ и съ успѣхомъ проводилъ свои прогрессивные взгляды и въ земской и въ городской практикѣ, но собственные дѣла велъ такъ неудачно, что долженъ былъ на закатѣ дней своихъ скрыться съ горизонта и недавно умеръ въ Ростовѣ Ярославской губерніи у пріютившихъ его близкихъ людей.

«Одесскому Вѣстнику» и его редакторамъ, послѣ Зеленого, всѣмъ не везло. Старѣйшая газета шла на убыль. Она попала въ руки къ директору ломбарда и субсидировалась богачомъ-грекомъ Маразли. Нѣсколькими годами позже покровитель либеральной газеты субсидировалъ черносотенную «Русскую Рѣчь» и отдѣлъ союза русскаго народа. Послѣднимъ редакторомъ «Одесскаго Вѣстника» былъ симпатичный журналистъ Арнольдъ, который покончилъ съ собою. Вслѣдъ за нимъ покончили свое существованіе и «Одесскій Вѣстникъ».

Въ одесской печати въ то время, къ которому относятся мои воспоминанія, подвизались лучшіе профессора мѣстнаго университета: Афанасьевъ, Маркевичъ, Орбинскій, Яковлевъ и др. Тамъ же работали бывший сотрудникъ «Русскаго Богатства» и социологъ С. Н. Южаковъ, И. И. Свѣденцовъ (Ивановичъ), Баронъ Иксъ (С. Т. Герцо-Виноградскій), С. И. Сычевскій и др.

Барономъ Иксомъ, котораго покойный П. А. Гайдебуровъ не разъ соблазнялъ перейти на болѣе широкую литературную арену въ столицу, вся Одесса зачитывалась. Онъ, по всей справедливости, считается отцомъ одесскихъ фельетонистовъ. Бойкіе фельетоны барона Икса уснащались порою цитатами изъ Гейне, Берне, Гюго, Шекспира и, благодаря ему, мѣстные гимназисты и лавочники щеголяли въ разговорѣ сентенціями этихъ популяризованныхъ фельетонистомъ авторовъ.

Когда цензурныя условія сдѣлались невыносимыми, и талантъ барона Икса пришелъ въ упадокъ, онъ сталъ пробавляться преимущественно цитатами изъ классиковъ.

С. И. Сычевскій былъ рѣдкій знатокъ иностранной литературы и шекспирилогъ. О Шекспирѣ, котораго онъ зналъ наизусть въ подлинникъ, Сычевскій читалъ публичныя лекціи. Онъ могъ бы съ полнымъ правомъ читать лекціи по литературѣ въ любомъ университетѣ. На его критическихъ обзорахъ воспитывались подраставшія поколѣнія.

О Баронѣ Иксѣ и о Сычевскомъ скажу болѣе подробно во второй части моихъ воспоминаній, посвященной одесской печати.

Въ одесскихъ газетахъ начали свою дѣятельность въ скромной роли хроникеровъ И. Н. Потапенко и П. А. Сергѣенко,

появлявшіеся одно время подъ общимъ псевдонимомъ «Аркадій Фіалкинъ». Первый изъ нихъ служилъ и въ мѣстной городской управѣ.

Извѣстный своею реакціонностью «Новороссійскій Телеграфъ», явившійся первымъ частнымъ органомъ въ Одессѣ, возникъ въ 1869 г. и долгое время отличался прогрессивнымъ направленіемъ. Въ этой газетѣ была напечатана одна изъ первыхъ статей моихъ о зародившемся тогда славянскомъ движеніи. Славянскому же вопросу и отношенію къ нему евреевъ я посвятилъ особую брошюру, вышедшую изъ печати въ началѣ 1876 года, въ эпоху сербской войны. Само собою разумѣется, что симпатіи автора брошюры были всецѣло на сторонѣ избиваемыхъ турецкими башибузуками славянъ. Въ пользу послѣднихъ предназначалась выручка съ брошюры. Покупавшимъ ее предоставлялось вносить свыше установленной цѣны (25 к.), и мое авторское самолюбіе было крайне польщено, когда, явившись въ книжный магазинъ Распопова, я узналъ, что бессарабскій землевладѣлецъ Казиміръ уплатилъ за одинъ экземпляръ цѣлыхъ 15 рублей. Всѣ поступавшія за брошюру деньги препровождались въ редакцію «Новороссійскаго Телеграфа», который особенно рьяно распинался за славянъ.

Велико было мое разочарованіе, когда впослѣдствіи полемика мѣстныхъ газетъ съ «Новороссійскимъ Телеграфомъ» выяснила, что пожертвованія въ пользу славянъ задерживались конторою означенной газеты и что издатель ея Озмидовъ конфисковалъ 1,000 рублей изъ этихъ пожертвованій, предоставивъ предсѣдателю мѣстнаго славянскаго комитета Палаузову, съ которымъ у него были какіе-то спорные счета, внести по назначенію конфискованную сумму изъ личныхъ средствъ.

Когда я въ 1876 г. отправился въ Петербургъ и послалъ въ «Новороссійскій Телеграфъ» свои путевыя впечатлѣнія, то по сдѣланымъ редакцію въ моихъ письмахъ сокращеніямъ и по объясненіямъ секретаря я понялъ, что въ направленіи газеты послѣдовала перемѣна.

Въ Петербургъ влекло меня не одно желаніе отдаться журнальной дѣятельности, но и стремленіе пополнить свои знанія въ петербургскомъ университетѣ, славившемся выдающимися профессорами-юристами.

А. Д. Градовскій читалъ государственное право, явившись чуть ли не создателемъ этой науки у насъ. Онъ умѣлъ возбуждать интересъ къ своимъ лекціямъ, особенно, когда знакомилъ съ европейскими конституціями. Часто Градовскій совѣтовалъ слушателямъ читать Библію и... «Голосъ» (гдѣ онъ сотрудничалъ), чтобы быть au courant всего совершающагося въ парламентской жизни Западной Европы. На экзаменахъ Градовскій обнаруживалъ необычайную нервность и строгость. И. Е. Андреевскій умѣлъ оживлять своимъ изложеніемъ свой сухой предметъ—полицейское право, или науку о «будочникахъ», какъ острили студенты. Маѳусайлъ отечественной юриспруденціи

П. Г. Рѣдкинъ читалъ послѣдній годъ—и плохо читалъ—философію и энциклопедію права, но былъ уважаемъ, какъ профессоръ-ветеранъ. В. И. Сергѣевичъ, превосходный лекторъ, умѣлъ заинтересовать слушателей своею исторіею русскаго права. Л. Б. Дорнъ читалъ римское право, являвшееся, какъ онъ говаривалъ, основою всѣхъ основъ въ правѣ, а все прочее—гиль.

Все это—покойники. Здравствуютъ и понынѣ Таганцевъ и Фойницкій.

Въ одесскомъ же университетѣ въ 70-хъ годахъ доминировалъ естественный факультетъ. Достаточно упомянуть имена А. О. Ковалевского, И. М. Сѣченова, И. И. Мечникова, ботаниковъ Ценковского и Вальца. Послѣдній потомъ сошелъ на нѣтъ, запыль, попалъ въ босяки и очутился въ больницѣ для душевно-больныхъ.

О трагической судьбѣ Вальца рассказывалъ мнѣ много интереснаго покойный историкъ проф. А. И. Маркевичъ, который и самъ, по его словамъ, продѣлалъ карьеру героевъ М. Горькаго. Свои университетскія занятія Маркевичъ совмѣщалъ съ уроками въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ домахъ одесскихъ негодіантовъ и съ дѣятельнымъ участіемъ въ печати, куда направлялъ собственные статьи и произведенія своихъ питомцевъ.

Помню, однажды явился ко мнѣ въ либеральную газету съ рекомендаціею отъ Маркевича студентикъ Пуришкевичъ, стихотвореніе котораго не было помѣщено чуть ли не по цензурнымъ соображеніямъ. Авторъ стихотворенія приобрѣлъ теперь извѣстность на другихъ поприщахъ, отнюдь не отличаясь либерализмомъ....

Въ петербургскомъ университетѣ царили традиціи 60-хъ годовъ. Студенты имѣли свою бібліотеку, столовую, устраивали сходки и собранія для чтенія рефератовъ, на которыхъ присутствовали и профессора. По рефератамъ можно было уже тогда намѣчать будущихъ, если и не знаменитыхъ, то во всякомъ случаѣ—извѣстныхъ людей. На университетской скамьѣ сидѣли тогда скромный вольнослушатель, нынѣ извѣстный экономистъ и редакторъ нѣсколькихъ газетъ освободительной эпохи Л. В. Ходскій, будущіе профессора экономисты В. Я. Яроцкій и П. И. Георгіевскій, далѣе авторъ изслѣдованія объ артеляхъ, редакторъ амфитеатровской «Россіи», «Голоса Земли» и другъ «старца Распутина»—П. Г. Сазоновъ, профессоръ и историкъ русской литературы С. А. Венгеровъ, поэтъ Минскій и многіе другіе.

Нѣкоторые изъ нихъ щеголяли скромными блузами и тужурками.

Между профессорами и студентами существовала та живая связь, о которой такъ много говорили потомъ и которая особенно рельефно сказывалась во время университетскихъ именинъ 8-го февраля на студенческихъ попойкахъ въ василеостровскихъ кух-

мистерскихъ, гдѣ популярные профессора произносили бодрящія и одухотворявшія молодежь рѣчи. Чаще всего ораторствовалъ на студенческихъ собраніяхъ популярный среди молодежи словесникъ и славянофилъ Орестъ Миллеръ.

II.

Литературный «Олимпъ».—О суровости М. Е. Салтыкова.—Стычка между Салтыковымъ и полуписателемъ - подрядчикомъ І. Н. Соркинымъ.—Разорившійся издатель книги «Дамокловъ мечъ» и др. кончаетъ самоубійствомъ.—Первые литературные шаги въ столицѣ.—Генеральская газета.—13 коп. за строчку.—Легкомысленный фельетонистъ серьезной газеты.—Лѣсковъ о Панютинѣ и Шрейерѣ.—Обманутая французенка.—Хирургическое вино.

Слушая лекціи, я не порывалъ связей съ журналистикой. Мнѣ, во что бы то ни стало, захотѣлось лицезрѣть литературныхъ генераловъ, произведеніями которыхъ я зачитывался. Сдѣлать это было нетрудно. Стоило только понести рукопись въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ», изображавшихъ тогда литературный «Олимпъ». Съ чувствомъ благоговѣнія поднялся я по лѣстницѣ огромнаго дома Краевскаго на Литейномъ проспектѣ и вручилъ свое произведеніе незнакомцу съ маленькой рѣдкой бородкой и блуждающими глазами, вышедшему ко мнѣ въ приѣмную—вѣрнѣе, въ билльярдную: почти вся комната занята была билльярдомъ.

Незнакомецъ оказался моимъ будущимъ коллегой по «Новостямъ» и др.—А. М. Скабичевскимъ. Мнѣ предложено было навѣдаться черезъ нѣкоторое время.

Навѣдывался я неоднократно и каждый разъ имѣлъ возможность видѣть какого-нибудь новаго «кита» «Отечественныхъ Записокъ». И велика была моя радость, когда мнѣ посчастливилось въ домѣ на Надеждинской улицѣ, въ квартирѣ Г. З. Елисѣева, видѣть сразу трехъ выдающихся старцевъ: М. Е. Салтыкова, Г. З. Елисѣева и А. Н. Плещеева, о чемъ-то горячо спорившихъ. Особенно волновался Салтыковъ, дѣлавшій при этомъ страшные глаза и произносившій не совсѣмъ цензурныя слова.

Салтыкова многие приходившіе съ нимъ въ соприкосновеніе изображали челоуѣкомъ свирѣпымъ и крайне раздражительнымъ. А. М. Скабичевскій, послѣ кончины сатирика, заявилъ о преувеличенности такого мнѣнія о немъ. Можетъ быть, глаза Салтыкова и его суровая наружность, скрывавшіе доброе сердце, способствовали сложившемуся о немъ мнѣнію.

О «суровости» Салтыкова рассказывалъ мнѣ нынѣ покойный полуписатель и подрядчикъ Іосифъ Николаевичъ Соркинъ, имѣвшій съ нимъ крупную стычку.

Соркинъ—личность во многихъ отношеніяхъ достопримѣчательная, и о немъ стоитъ сказать нѣсколько словъ.

Происходя изъ евреевъ, Соркинъ принялъ православіе и навсегда, казалось, откололся отъ своихъ бывшихъ единовѣрцевъ. Но въ эпоху погромовъ и ограниченій 80-хъ годовъ онъ, тогда богатый петербургскій домовладѣлецъ, сталъ горячо заступаться за своихъ соплеменниковъ. Соркинъ ухлопалъ цѣлое состояніе на роскошное изданіе и на распространеніе перевода книги противъ употребленія евреями христіанской крови извѣстнаго гебранста Левенсона, получившаго за свой трудъ награду отъ императора Николая I, которому удостоился быть представленнымъ.

Переводъ книги Левенсона вышелъ подъ заглавіемъ: «Дамокловъ мечъ». Соркинѣмъ же издано собраніе отзывовъ объ евреяхъ знаменитыхъ ученыхъ и писателей за границей. Свои книги онъ разсылалъ даромъ сотнями экземпляровъ представителямъ администраціи и церкви, въ интересахъ борьбы съ предрасудкомъ о ритуальныхъ убійствахъ и съ другими навѣтами, и получалъ отовсюду благодарности и благосклонные отзывы, которые собирался издать, но намѣренія этого не выполнилъ.

Не довольствуясь сказаннымъ, Соркинъ призывалъ извѣстныхъ русскихъ писателей къ заступничеству за погромленныхъ. Письмо его къ И. С. Тургеневу и отвѣтъ послѣдняго вошли въ собраніе писемъ великаго романиста.

Однажды Соркинъ влетѣлъ ко мнѣ въ редакцію одной петербургской газеты, крайне взволнованный.

— Ну, батенька, я, кажется, оказалъ теперь евреямъ медвѣжью услугу!—воскликнулъ онъ.

— Какимъ это образомъ?

— Я получилъ уклончивый отвѣтъ отъ убоявшагося зонловъ Тургенева насчетъ заступничества за евреевъ и кинулся къ Щедрина. Я объяснилъ ему цѣль своего визита и нарисовалъ ему картину гоненій. Онъ окинулъ мнѣ своими ужасными глазами такъ, что я поддался невольно назадъ.

— Какое вы имѣете право обращаться ко мнѣ?—крикнулъ Салтыковъ.—Идите къ Каткову, который съ вашимъ Поляковымъ въ дружбѣ: Поляковъ подарилъ ему даже домъ подъ его лицей.

— Но какое намъ дѣло до Полякова? Неужели только изъ дружбы или за подношенія надо негодовать по поводу несправедливой травли?—замѣтилъ я.

Салтыковъ еще больше раскричался, схватился за спинку кресла, я машинально сдѣлалъ то же, но скоро я пришелъ въ себя и ушелъ.

Соркинъ ошибся. Черезъ нѣкоторое время появилась въ «Отечественныхъ Запискахъ» знаменитая іюльская сатира Шедрина объ евреяхъ, гдѣ онъ заявлялъ, что между собственнымъ вампиромъ и «инороднымъ» лишь та разница, что второй говорить: «дурака пашу», а первый: «пососу дурака».

Сатира эта произвела сильное впечатлѣніе. Соркинъ торжествовалъ. Послѣ этого я потерялъ Соркина изъ виду и впослѣдствіи узналъ, что онъ покончилъ съ собою. Говорили, что онъ разорился, между прочимъ, на своихъ изданіяхъ, которыя разсылалъ даромъ, не получая ниоткуда никакихъ субсидій.

Въ домѣ на Литейномъ, гдѣ жилъ Некрасовъ, мнѣ приходилось бывать, когда я доставлялъ свои статьи въ редакцію «Голоса». Въ этой редакціи можно было встрѣчать не однихъ генераловъ отъ литературы, но и настоящихъ генераловъ. Въ «Голосѣ» печатались даже министры, настоящіе и будущіе, между прочимъ, К. П. Побѣдоносцевъ, П. А. Валувъ, Д. А. Милютинъ, Головинъ, Тимашевъ и др. Недаромъ «Голосъ», когда зашла рѣчь объ ограничительныхъ мѣропріятіяхъ противъ чиновниковъ-писателей или, вѣрнѣе, о болѣе строгомъ примѣненіи 529 ст. III т. св. зак., не безъ тревоги заявилъ, что воспрещеніе чиновникамъ участвовать въ періодической печати равносильно запрещенію существованія русской литературы.

«Голосъ» статей отъ неизвѣстныхъ авторовъ почти не принималъ или принималъ въ видѣ исключенія. Генералы получали, разумѣется, и генеральскіе гонорары, подобныхъ которымъ не существовало тогда ни въ одной газетѣ.

Помню, когда я явился въ редакцію справиться насчетъ гонорара за мои статьи, В. А. Бильбасовъ, направивъ меня въ контору, немало смутилъ меня такимъ заявленіемъ:

— Пожалуйста, поклонитесь автору и скажите, что мы ждемъ продолженія статьи (о незаконнорожденных)...

Очевидно, Бильбасовъ приписывалъ мои статьи какому-нибудь моему однофамильцу и не допускалъ, чтобы молодой человѣкъ могъ претендовать на сотрудничество въ генеральской газетѣ.

Смущенный, я отправился въ контору, гдѣ получилъ необычный для меня гонораръ. Сосчитавъ дома число строкъ, я пришелъ къ заключенію, что кассиръ ошибся въ расчетѣ: по моему расчету, почему-то выходило, что я получилъ «чортову дюжину» за строку, т.-е. по 13 копеекъ,—цифра зловѣщая!

Кромѣ статей о незаконнорожденных, я помѣстилъ въ «Голосѣ» статьи о классовой борьбѣ въ Прибалтійскомъ краѣ и объ экономической роли евреевъ, причемъ въ своихъ сужденіяхъ о послѣднихъ расходился съ другими сотрудниками газеты, въ которой печатались даже свои статьи авторъ «Кагала»—Брафманъ.

Въ верхнемъ этажѣ «Голоса» подвизались министры и генералы, а въ нижнемъ—сначала легкомысленный Нилъ-Адмиралъ (Панютинъ), а затѣмъ ярый либералъ Гамма-Градовскій. Крайніе взгляды талантливаго публициста причиняли иногда безпокойство осто-

рожному Краевскому, которому Д. Д. Минаевъ вложилъ въ уста слѣдующее язвительное четверостишіе:

О, почто себѣ на горе я,
Не жалѣя гонорарія,
Взялъ Градовскаго Григорія
Вмѣсто Нила Адмирарія.

Панютинь касался въ своихъ фельетонахъ излюбленныхъ имъ театральныхъ вопросовъ и былъ грозою для всѣхъ, особенно впервые пріѣзжавшихъ въ столицу артистокъ. Последнія всячески домогались его расположенія, и многимъ это удавалось, ибо Панютинь былъ большой «галантомъ» и почитатель всего красиваго.

Однажды,—разсказывалъ покойный Н. С. Лѣсковъ,—къ Панютину является съ визитомъ какая-то французская артистка. Хозяйина не было дома, а у него находился случайно извѣстный своею находчивостью король репортеровъ Ю. О. Шрейеръ. Шрейеръ, какъ и Панютинь, былъ почитатель всего прекраснаго. Явившейся французкенкѣ онъ отрекомендовался хозяиномъ квартиры, поблагодарилъ за честь, обѣщалъ воспользоваться ея любезнымъ приглашеніемъ и нанести ей визитъ.

Каково же было удивленіе французкенки, когда послѣ ея дебюта Ниль-Адмирари написалъ жестокую рецензію. Лишь когда ей за кулисами представили настоящаго Ниль-Адмирари, французкенка поняла, въ какую досадную ошибку она впала.

Лѣсковъ разсказывалъ все это, какъ фактъ, но возможно, что это и анекдотъ. У Лѣскова былъ всегда большой запасъ анекдотовъ о писателяхъ. Помню, какъ онъ разсмѣшилъ всѣхъ шуткою о Н. А. Лейкинѣ.

Лейкинъ явился въ редакцію «Новостей» и пригласилъ къ себѣ своихъ друзей на чашку чая. Послѣ его ухода является Лѣсковъ.

— Зачѣмъ, господа, приходилъ къ вамъ Лейкинъ: ужь не приглашалъ ли къ себѣ на вечеръ?

— Совершенно вѣрно.

— И вы пойдете?

— Отчего же и не пойти?

— Нѣтъ, вы непременно пойдете; онъ васъ такъ угоститъ, такъ угоститъ, что долго помнить будете. Онъ поднесетъ вамъ такое вино, какого нигдѣ нить не можете.

— Какое же это особенное вино? Вѣдь Лейкинъ, кажется, не изъ щедрыхъ амфитріоновъ,—замѣтилъ кто-то. (Лейкинъ, дѣйствительно, не отличался особенною щедростью).

— Вино изъ медико-хирургической академіи,—заявилъ Лѣсковъ.—Ради экономіи, Лейкинъ, видите ли, скупаетъ у сторожей

вино послѣ промыванія имъ нѣкоторыхъ ранъ. (Такое промываніе практиковалось тогда).

Всѣ покатились со смѣху, а одинъ заявилъ, что ни за что не поидетъ на вечеръ, ибо ему будетъ казаться, что онъ пьетъ «медико-хирургическое» вино...

III.

Сотрудничество въ еженедѣльникахъ и въ газетѣ «Охэ».—Издатель газеты и «этуаль» изъ кафешантана.—Спеціалистъ по вопросамъ страхованія.—Заказъ блиновъ чрезъ почтовый ящикъ газеты.—Бойкотъ страхового органа.—П. С. Усовъ—авторъ первой политической передовой статьи въ русской печати.—Мѣры предосторожности редактора Греча.—Запрещеніе печатать торговля свѣдѣнія и критиковать извозничью таксу.—Телеграмма о франко-прусской войнѣ, отложенная за недосугомъ.—Литературы: рестораны.—Д. Д. Минаевъ и бѣгство генерала.—Банкиръ и архитекторъ—издатели судебной газеты.

Не имѣя еще постоянной работы въ ежедневномъ изданіи, я безъ большого труда справлялся съ редакціонною работою въ двухъ-трехъ еженедѣльникахъ, завѣдывалъ редакціею перваго страхового органа—«Вѣстника Страхованія», былъ секретаремъ въ одномъ еженедѣльникѣ и принималъ участіе въ «Судебной Газетѣ», когда ее редактировалъ исключенный потомъ изъ сословія присяжный повѣренный Николичъ и издавалъ петербургскій банкиръ Бендерскій. Я помѣщалъ одновременно статьи въ газетѣ другого частнаго повѣреннаго Трозинера «Эхо» или «Охэ», какъ ее называли въ литературныхъ кружкахъ: по недосмотру метранпажа, нумеръ однажды вышелъ съ заголовкомъ «Охэ».

Трозинеръ прошумѣлъ въ печати выступленіемъ своимъ въ процессѣ обвинявшейся въ соблазненіи зрителей кафешантанной этуали Филиппо и предъявленіемъ на судѣ ея «dessous», какъ вещественнаго доказательства.

Газета «Эхо», называвшаяся раньше «Улей» и перешедшая къ Трозинеру отъ интенданта Макшеева, отличалась либеральнымъ направленіемъ. Одно время тамъ нисалъ Г. К. Градовскій, впослѣдствіи либеральничалъ въ «Эхо» г. Ярмонкинъ, игравшій въ оппозицію и въ собственной газетѣ «Свѣточъ» и не получавшій еще субсидій и воспособленій изъ разныхъ фондовъ за травлю инородцевъ и нѣкоторыя другія услуги...

Сотрудничество въ «Вѣстникѣ Страхованія» было для меня самою большою неожиданностью, ибо о страховыхъ вопросахъ я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. А случилось это вотъ какимъ образомъ.

Является въ одну изъ столичныхъ редакцій нынѣ покойный присяжный повѣренный И. И. Майзель, вращавшійся среди писателей.

— А знаете, господа, я предпринимаю изданіе страховой газеты!—сообщаетъ онъ, къ общему недоумѣнію.

Его стали вышучивать, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что у Майзеля не было ни средствъ, ни литературныхъ талантовъ.

— Любопытно будетъ посмотрѣть,—замѣтилъ кто-то:—чѣмъ это вы будете наполнять вашу газету: вѣдь о необходимости страхованія можно написать дюжину-другую статей,—и баста!

— Матеріаль найдется,—отвѣтилъ Майзель.—Вотъ за границей существуетъ даже газета для торговцевъ сыромъ.

— То заграница, а то мы,—отвѣтилъ я.

По волѣ судьбы, я потомъ оказался фактическимъ редакторомъ страховой газеты.

Въ одно прекрасное утро Майзель предъявилъ мнѣ разрѣшеніе на газету, предложивъ принять ее въ свое завѣдываніе, за отсутствіемъ у него журнальнаго опыта.

— Но вѣдь я совершенно незнакомъ со страховыми вопросами,—сказалъ я.

— Это не бѣда,—заявилъ Майзель:—я предоставляю въ ваше распоряженіе мѣсяцъ для ознакомленія съ ними.

Я сдался, принялся за науку, окружилъ себя литературой по страховымъ вопросамъ, заграничными страховыми органами, отчетами страховыхъ обществъ. Чрезъ нѣкоторое время я оказался специалистомъ по страховому дѣлу, строчилъ статьи о страхованіи, обзорѣ газетъ, исправлялъ корреспонденіи и т. д. Въ «Вѣстникѣ Страхованія»,—такъ называлась газета,—были всѣ рубрики, какія полагаются въ газетахъ. Былъ даже «почтовый ящикъ», при посредствѣ котораго, за отсутствіемъ подходящаго матеріала, я и мой издатель переписывались и даже заказывали издательской супругѣ, фигурировавшей подъ инициалами, «блины», т.-е. «новыя произведенія», поелику прежнія произведенія редакціи нравились.

Число подписчиковъ на газету изъ среды многочисленной арміи страховыхъ дѣятелей и агентовъ росло, пока они не разглядѣли, что «Вѣстникъ Страхованія» проповѣдывалъ, вмѣсто излюбленнаго страховыми агентами акціонернаго страхованія,—взаимное во всѣхъ видахъ и формахъ—до страхованія прохожихъ отъ несчастныхъ случаевъ на улицахъ. Особенно усердствовалъ по части изобрѣтенія новыхъ видовъ страхованія П. С. Усовъ, бывшій редакторъ «Петербургскихъ Вѣдомостей». Въ «Вѣстникѣ Страхованія» проектировалось даже взаимное страхованіе журналистовъ по случаю частыхъ въ то время пріостановокъ газетъ.

П. С. Усова мало кто знаетъ изъ современныхъ газетныхъ писателей. Между тѣмъ онъ сыгралъ немаловажную роль въ русской журналистикѣ. Я встрѣчался съ нимъ чаще всего въ типографіи Евдокимова на Большой Итальянской улицѣ, куда онъ приходилъ сдавать и читать въ корректурѣ свои биржевые обзоры. Всегда мол-

чаливый, Усовъ необыкновенно оживлялся, когда заходила рѣчь о прошломъ русской журналистики, о цензурѣ и т. п. Это была живая лѣтопись русской періодической печати.

Усовъ рассказывалъ мнѣ, что первая политическая передовая статья принадлежала его перу. Она была помѣщена въ первомъ номерѣ «Сѣверной Пчелы» за 1856 г. Редакторъ «Сѣверной Пчелы» Гречъ не сразу рѣшился выступить въ роли новатора. Изъ предосторожности Гречъ распорядился перебрать усовскую передовую статью, набранную крупнымъ шрифтомъ (цицера), болѣе мелкимъ (корпусомъ). Затѣмъ ее перенесли съ первой страницы, гдѣ напечатанъ былъ официальный отдѣлъ, на одну изъ послѣднихъ страницъ. Чтобы окончательно обезопасить себя, Гречъ приказалъ представить предварительно статью на просмотръ въ министерство иностранныхъ дѣлъ.

Несмотря на всѣ эти предосторожности, въ редакцію явился чиновникъ и сталъ допытываться, кто изъ занимающихъ государственную службу лицъ авторъ первой статьи частнаго изданія о виѣшней политикѣ.

Черезъ шесть дней примѣру «Сѣверной Пчелы» послѣдовали «Петербургскія Вѣдомости» Краевского и Очкина.

Починъ Усова всѣ считали очень смѣлымъ. Въ то время, по его словамъ, запрещали, напримѣръ, печатать въ той же «Сѣверной Пчелѣ» товарныя и биржевыя свѣдѣнія, ибо таковыя могутъ быть помѣщаемы въ официальномъ органѣ министерства финансовъ— «Коммерческой Газетѣ». Въ замѣткѣ о таксѣ для извозчиковъ, помѣщенной въ «Сѣверной Пчелѣ», усмотрѣна была критика правительственныхъ распоряженій. Объ этой критикѣ доведено было до свѣдѣнія императора Николая I, который повелѣлъ, чтобы впредь подобныя замѣтки не допускали.

Газетная техника въ ту эпоху, о которой любилъ вспоминать Усовъ, была въ самомъ примитивномъ состояніи. О немъ самомъ мнѣ рассказывали слѣдующій характерный фактъ.

Усовъ состоялъ ближайшимъ сотрудникомъ издателя «Биржевыхъ Вѣдомостей» Трубникова, который въ то же время былъ владельцемъ «Русскаго Телеграфнаго Агентства». Получивъ телеграмму объ объявленіи франко-прусской войны, Усовъ отложилъ ее вмѣстѣ съ замѣтками, которыя онъ не успѣлъ разсмотрѣть, для слѣдующаго нумера.

Такимъ образомъ, телеграмма, разосланная агентствомъ Трубникова другимъ газетамъ, къ великому конфузу послѣдняго, не появилась своевременно въ его собственной газетѣ.

Не долго продолжались мои встрѣчи съ Усовымъ въ типографіи, гдѣ печатался «Вѣстникъ Страхованія». Такъ какъ редакція «Вѣстника Страхованія» была непоколебима въ своемъ направленіи и не желала поступить на содержаніе къ акціонернымъ страховымъ

обществамъ, то страховые агенты, по внушенію своего начальства, стали отказываться отъ дальнѣйшаго полученія газеты, и «Вѣстникъ Страхуванія» чрезъ полгода отцвѣлъ, не успѣвъ расцвѣсть.

И. И. Майзель имѣлъ большія знакомства въ литературномъ мѣрѣ, которыя онъ пріобрѣлъ чрезъ коллегъ-адвокатовъ или въ ресторанахъ. Нѣкоторыхъ представителей литературнаго міра можно было и въ то время встрѣчать въ извѣстныхъ ресторанахъ, какъ въ нынѣшней «Вѣнѣ». Каждый ресторанъ имѣлъ своихъ завсегдатаевъ-литераторовъ. Въ «Малоярославцѣ» вы могли встрѣчать въ извѣстное время представителей умѣренной печати съ покойнымъ М. П. Федоровымъ во главѣ; въ «Афганистанѣ» — болѣе либеральныхъ писателей съ Г. К. Градовскимъ; въ ресторанчикѣ на Владимирскомъ проспектѣ бывалъ постояннымъ посѣтителемъ симпатичный авторъ «Бродячей Руси» С. В. Максимовъ. Въ извѣстные часы онъ входилъ сюда, а въ другіе часы его выводили за руки лакеи, относившіеся къ нему съ большимъ почтеніемъ, или «братья-писатели». Чаше всего сопутствовалъ Максиму репортеръ Демидовъ, не расстававшійся со своимъ ридинготомъ и цилиндромъ, пока не спился и не попалъ въ почлежку, гдѣ отдалъ Богу душу свою.

Максимовъ былъ общій любимецъ. Литературу онъ почти забросилъ. Редактированіе «Вѣдомостей Градоначальства и Петербургской Полиціи» отнимало у него мало времени. Только однажды ему пришлось за чужіе грѣхи въ газетѣ посидѣть на гауптвахтѣ, гдѣ, впрочемъ, онъ не скучалъ: друзья добровольно подвергали себя заключенію, являясь къ узнику съ кулками со всякою снѣдью.

Въ ресторанахъ Максимова всегда окружали старые и новоявленные друзья-собутыльники, которыхъ онъ смѣшилъ своими разсказами. Опорожнивъ графинчикъ-другой водки, онъ засыпалъ тутъ же, чрезъ полчаса пробуждался и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ тянутъ рюмочку за рюмочкой. Въ такомъ состояніи я наблюдалъ однажды Максимова цѣлую ночь въ «Малоярославцѣ», гдѣ товарищи по газетѣ сырынули оригинальное редакціонное событіе: пропускъ замѣстителемъ редактора, не любившаго полемики, рѣзко написаннаго фельетона по адресу издателя распротраненной газеты...

Популярнаго въ свое время поэта Д. Д. Минаева можно было встрѣчать въ нынѣ не существующемъ «Старомъ Палкинѣ». Тамъ, между прочимъ, постоянно бывали александринскіе артисты Горбуновъ, Градовъ-Соколовъ и др. Здѣсь Минаевъ часто сыпалъ какъ изъ рога изобилія, свои полные остроумія экспромты, язвительныя эпиграммы, не падая въ нихъ никого.

На оборотѣ ресторанныяго меню Минаевъ не разъ набрасывалъ съ присущою ему виртуозностью свои произведенія и либо отпра-

влять ихъ въ редакцію «Петербургской Газеты», гдѣ они печатались подъ псевдонимомъ «Общій другъ», либо давалъ ихъ кому-нибудь на память. Многое осталось не записаннымъ и пропало для потомства.

Помию, у минаевского столлика сидѣлъ однажды убѣленный сѣдинами старецъ, занимавшій видное положеніе, и покатывался отъ смѣха. Минаеву, повидимому, захотѣлось отдѣлаться отъ него, и онъ разразился такимъ четверостишіемъ, что старецъ нашелъ неумѣстнымъ свое присутствіе при дальнѣйшихъ минаевскихъ импровизацияхъ и, какъ быль, выбѣжалъ изъ ресторана. Ему пришлось вдогонку послать фуражку.

Официальный редакторъ «Судебной Газеты» Николитчъ былъ такою же литературный профанъ, какъ и редакторъ-издатель «Вѣстника Страхованія». Дѣятельное участіе въ газетѣ принимали Г. К. Градовскій (Гамма), талантливые очерки котораго подъ заглавіемъ «Законы и Жизнь» имѣли большой успѣхъ, присяжный повѣренный Михайловъ и др.

Я участвовалъ въ выпускѣ нумера. Но за полнымъ незнакомствомъ Николитча съ техникой журнальнаго дѣла, мнѣ приходилось его замѣнять. Это не нравилось издателю банкиру Бендерскому, ибо онъ платилъ Николитчу сравнительно большое вознагражденіе; не нравилось это и самому Николитчу, приревновавшему издателя ко мнѣ.

Черезъ нѣкоторое время газета переходитъ въ собственность къ Николитчу, и онъ, заболѣвъ, начинаетъ искать другого издателя. По этому вопросу между мною и больнымъ, еле владѣвшимъ голосомъ Николитчемъ завязалась переписка, не приведшая ни къ какимъ результатамъ. Онъ предлагалъ мнѣ найти ему издателя. Переписка эта сослужила Николитчу маленькую службу. Нашелся архитекторъ (де-Векки), не имѣвшій ровно никакого отношенія къ юриспруденціи, литературѣ и къ русской грамотѣ, но изъявившій готовность стать издателемъ и редакторомъ юридической газеты. Онъ соблазнился выгодной покупкой, а выгодной она показалась потому, что на газету, какъ его увѣряли, имѣть, будто бы, виды опытный редакторъ-издатель О. К. Нотовичъ.

Дѣло въ томъ, что архитектору были предъявлены мои отвѣтныя письма Николитчу, писавшіяся случайно на бланкахъ редакціи «Новостей», гдѣ я проводилъ тогда почти цѣлые дни и ночи за работою. У новаго издателя сложилось мнѣніе, что я-де покупалъ газету и не для себя, а для Нотовича. На этомъ основаніи архитекторъ являлся впослѣдствіи съ претензіями. Затанувъ злобу противъ меня за вовлеченіе его въ невыгодную сдѣлку, де-Векки не оставлялъ меня въ покоѣ, когда я переѣхалъ въ Одессу. У меня сохранилось

его полуграмотное посланіе, въ которомъ онъ угрожалъ мнѣ разномъ въ «Судебной Газетѣ», буде я не прекращу печатанія въ редактировавшейся мною газетѣ свѣдѣній о назначенныхъ въ сенатѣ дѣлахъ, ибо многіе подписывались на его газету исключительно ради этихъ свѣдѣній.

Но и свѣдѣнія о сенатскихъ дѣлахъ не спасли де-Векки и его газеты отъ краха...

IV.

Памяти «Новостей».—Примиреніе автора «Некуда» съ либералами.—Русскій Меццофантѣ А. В. Старчевскій, занимающій скромную службу въ своемъ прежнемъ палаццо.—Редакторъ-труженикъ.—Объявленіе раколечителя, вмѣсто передовицы.—Изобрѣтательный редакторъ.—Старый либераль.—Штрафъ за упоминаніе «Новаго Времени».—Обходъ запрета.—Несостоявшаяся дуэль.—Газета «Печка» и ея сотрудники.

Въ 1884 году я получилъ приглашеніе участвовать въ «Новостяхъ». Это была долгое время единственная прогрессивная газета въ Петербургѣ, «единственный пріютъ для прогрессивныхъ взглядовъ»—писалъ я въ не получившемъ распространенія «Ю.-Рус. Альманахѣ».

«Голосъ» замолкъ въ 1883 г.; дѣльный рядъ изданій («Русская Правда» Д. К. Гирса, «Порядокъ» Стасюлевича, «Сѣверный Вѣстникъ» Корша, «Молва» и др.) пронеслись метеорами на газетномъ небосклонѣ. И до днесь существующія «Биржевыя Вѣдомости» С. М. Проппера въ счетъ итти не могутъ: онѣ были мало похожи тогда на одноименную газету В. А. Полетики, у котораго работали Курочкинъ, Михайловскій, Скабичевскій, Суворинъ, Станюковичъ и др. Самъ С. М. Пропперъ интересовался больше биржею, чѣмъ литературою и русскою жизнью, а его редакторъ П. С. Макаровъ, авторъ оперы «Маріонъ Делормъ», уснащалъ газету музыкальною литературою...

О. К. Нотовичъ пріобрѣлъ жалкую газетку «Новости» у нѣкоего Мордуховскаго и «короля репортеровъ» Ю. О. Шрейера съ довольно незавидною и подмоченною репутаціею. Шрейеръ торговалъ оптомъ и въ розницу своимъ печатнымъ товаромъ. Онъ печаталъ никѣмъ не заказывавшіяся ему банковскія и другія объявленія и требовалъ затѣмъ плату. Нотовичъ сумѣлъ превратить «Новости» въ большую газету. Онъ привлекъ къ участію въ ней лучшія силы, не только газетныя, но и журнальныя, и многихъ писателей, которые раньше избѣгали сотрудничества въ ежедневной газетѣ.

Когда умираетъ писатель, ему посвящаютъ болѣе или менѣе обстоятельный некрологъ, смотря по той роли, какую онъ игралъ въ литературѣ. Въ 1905 году «умеръ» литературный органъ, существовавшій тридцать лѣтъ, представлявшій коллективный трудъ мно-

гихъ писателей и даже нѣсколькихъ писательскихъ поколѣній. Самъ Нотовичъ капиталовъ не нажилъ, зато нажилъ процессъ, заставившій его выѣхать за границу... И до сихъ поръ никто не счелъ нужнымъ посвятить хотя бы небольшой «пекрологъ» газетѣ, — которая, какъ ни какъ, все же дѣлала культурное дѣло, — если не считать замѣтки пишущаго эти строки въ одномъ изданіи.

Не совсѣмъ неправъ былъ профессоръ В. И. Модестовъ, когда онъ на десятилѣтнемъ юбилеѣ «Новостей» въ 1886 году сказалъ:

— Если бы не было «Новостей», это была бы для русскаго общества потеря, оцѣнить которую я не въ силахъ...

«Новости» выдѣлялись среди другихъ газетъ хорошо поставленнымъ отдѣломъ фельетоновъ. Каждый день имѣлъ своего именитаго фельетониста, у котораго были и свои читатели и почитатели. По воскреснымъ днямъ помѣщались фельетоны Коломенскаго Кандидата (В. О. Михневича), рѣдкаго знатока петербургской жизни, основательно изучившаго всѣ «язвы Петербурга» (заглавіе одной изъ многочисленныхъ книгъ Михневича). Бесѣды его не отличались фельетонною легкостью, можетъ быть, вслѣдствіе большой начитанности автора въ исторической литературѣ.

По понедѣльникамъ помѣщались блиставшіе всегда остроуміемъ провинціальныя фельетоны талантливаго «Буквы»-Василевскаго.

По вторникамъ—статьи профессора и публициста В. И. Модестова, пользовавшіяся особенно большимъ успѣхомъ на Васильевскомъ островѣ и на Выборгской, т.-е. въ петербургскомъ Латинскомъ кварталѣ. Въ университетѣ буквально зачитывались модестовскими фельетонами, и многіе изъ нихъ наклеивались въ шинельной на стѣнѣ.

По средамъ помѣщались рассказы или оригинальныя по содержанию и формѣ общественныя фельетоны П. Д. Боборыкина.

По четвергамъ—критическіе очерки сначала В. В. Чуйко, а затѣмъ А. М. Скабичевскаго. Пятница предоставлялась поочередно В. И. Немировичу-Данченку, П. И. Вейнбергу, Д. Л. Мордовцеву, Л. Рускину и др.

По субботамъ, по старому газетному обычаю, помѣщались письма изъ Москвы А. П. Лукина, которому помогали иногда Вл. И. Немировичъ-Данченко.

Участвовали въ «Новостяхъ» А. А. Головачевъ, профессоръ А. А. Исаевъ, Д. Л. Мордовцевъ, В. Н. Майковъ, В. В. Стасовъ, М. К. Цебрикова, П. И. Вейнбергъ, А. С. Трачевскій, Н. С. Лѣсковъ, В. О. Португаловъ, М. Л. Песковскій и многіе другіе.

Привлеченіемъ Лѣскова къ участию въ либеральномъ органѣ Нотовичъ содѣйствовалъ примиренію автора «Некуда» съ прогрессивною частью русскаго общества.

Извѣстно, что этотъ злополучный романъ Стебницкаго, гдѣ было выведено въ непривлекательномъ свѣтѣ молодое поколѣ-

ніе, создалъ Лѣскову массу враговъ, онъ былъ отлученъ отъ либерализма. Способствовало такому отлученію извѣстное заявленіе Лѣскова относительно поджоговъ въ Апраксиномъ рынкѣ. Покойный Д. И. Писаревъ высказалъ тогда увѣренность, что, кромѣ «Русскаго Вѣстника», не найдется органа въ Россіи, который осмѣлится печатать произведенія Лѣскова.

Со времени появленія инкриминированныхъ Лѣскову-Стебниному произведеній давно прошла «земская давность», и Нотовичъ дерзнулъ обратиться къ автору «Соборянъ» съ предложеніемъ помѣщать въ его газетѣ свои очерки изъ быта духовенства, который онъ такъ основательно зналъ. Въ «Новостяхъ» и начали печататься «Мелочи архіерейской жизни» Лѣскова, которыя производили фуроръ.

Впослѣдствіи Лѣсковъ сталъ печататься во многихъ либеральныхъ изданіяхъ, между прочимъ, въ «Русской Мысли». Если либеральные органы печати переложили гнѣвъ на милость по отношенію къ Лѣскову, то это всецѣло заслуга Нотовича. Извѣстно, что къ Нотовичу очень несправедливы, и его заслуги отрицаются, несмотря на созданную имъ нѣкогда распространенную газету.

Работая немало въ теченіе дня, заказывая статьи сотрудникамъ и избирѣтая темы, идеи, а иногда давая сотрудникамъ готовые схемы, Нотовичъ не могъ, разумѣется, обходиться безъ помощниковъ. У него былъ почтой редакторъ, въ лицѣ Маѳусаила русской журналистики и русскаго Меццофанти А. В. Старчевскаго, редактировавшаго въ пятидесятыхъ годахъ газету «Сынъ Отечества», преобразованную имъ въ дешевое изданіе, доставлявшее ему значительные доходы.

Редакція «Новостей», гдѣ Старчевскій занималъ скромное мѣсто, помѣщалась въ нѣкогда роскошномъ палаццо Монферана, строителя Исаакіевскаго собора. Палаццо принадлежало когда-то Старчевскому, и онъ жилъ въ немъ въ большой роскоши, чисто по-царски, ѣлъ на севрекомъ фарфорѣ Людовика XV и спалъ на кровати Маріи-Антуанетты.

Обходя со мной не разъ амфиладу комнатъ редакціоннаго помѣщенія и квартиры Нотовича, Старчевскій, не безъ чувства грусти, вспоминалъ о своемъ быломъ величіи.

Маѳусаиловъ возрастъ Старчевскаго, съ одной стороны, и требовательность Нотовича къ замѣнявшему его по вечерамъ—съ другой, заставили перваго обращаться къ помощи своего сына, чловѣка совершенно не литературнаго, а Нотовича—искать замѣстителя. Чрезъ недѣлю послѣ приглашенія меня для исправленія рукописей мнѣ предложено было выпускать газету. Самъ Нотовичъ просматривалъ болѣе отвѣтственныя въ цензурномъ отношеніи статьи.

Нотовичъ не былъ редакторомъ-издателемъ бѣлоручкой; онъ не мечталъ объ извлеченіи «интересной прибыли»: послѣ краха «Новостей» у него остались одни долги. Коммерческо-издательской споровки у Нотовича не было, но, какъ редакторъ, онъ былъ очень предпримчивъ и изобрѣтателенъ.

Когда возникали политическія осложненія, «Новости» умудрились одновременно съ «Правительственнымъ Вѣстникомъ» помѣщать правительственныя сообщенія, контрабандно доставлявшіяся Нотовичу, къ огорченію другихъ газетъ.

Нотовичъ много лѣтъ подъ рядъ не покидалъ редакторскаго стола. Даже лѣтомъ онъ не выѣзжалъ изъ Петербурга.

— Отчего вы нигуда не ѣздите?—спросили его однажды.

— Пробовать было я уѣхать въ отпускъ,—и замѣнявшій меня М. закатилъ въ номеръ объявленіе какого-то раколичителя майора Рыка, въ видѣ передовицы. Съ тѣхъ поръ я далъ клятву не отлучаться болѣе.

Въ мое время Нотовичъ, впрочемъ, сталъ частенько уѣзжать за границу, откуда однажды вернулся большимъ патріотомъ, ругая все заморское. Правились ему только нѣкоторыя бойкія французскія газеты, которымъ онъ рекомендовалъ сотрудникамъ подражать...

Нотовичъ былъ гораздъ на всякія выдумки въ области газетной техники. Онъ первый завелъ рубрику «Дневникъ», гдѣ для удобства читателей давались краткія резюме содержанія газеты. Для вящаго же удобства онъ однажды выдумалъ такой способъ верстки газеты, при которомъ каждая страница начиналась какой-нибудь рубрикой. Не укладывавшіяся статьи немилосердно сокращались, и мнѣ, грѣшному человѣку, пришлось, скрѣпя сердце, учинить кощунство и урѣзать рѣчь знаменитаго Ренана въ Академіи наукъ.

Однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ «Новостей» въ 80-хъ годахъ былъ Г. К. Градовскій. Его перу принадлежали всѣ боевыя статьи. Нотовичъ не безъ опаски печаталъ его. Ему постоянно мерещились предостереженія. Миѣніе о Градовскомъ, какъ о неукротимомъ либералѣ, сложилось еще со временъ покойнаго «Голоса» и издававшегося имъ «Русскаго Обзорѣнія». Чуть ли не еженедѣльно «Русское Обзорѣніе» подвергалось какой-нибудь карѣ, приостанавливалось и затѣмъ снова возрождалось.

Ярый либерализмъ Градовскаго и его борьба съ бюрократами тѣмъ болѣе достойны замѣчанія, что онъ когда-то самъ былъ бюрократомъ: Г. К. состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при кievскомъ генералъ-губернаторѣ Безакѣ, писалъ въ «Кіевлянинѣ», съ редакторами котораго Шульгинымъ, а затѣмъ Пихно, находился въ близкихъ родственныхъ отношеніяхъ; онъ подвизался и въ «Гражданинѣ», гдѣ издатель князь Мещерскій ставилъ «точки» къ реформамъ. Впослѣдствіи Градовскій сдѣлался самымъ восторженнымъ почитателемъ этихъ самыхъ реформъ.

Статьи Г. К. Градовскаго, отличавшіяся литературнымъ стилемъ и блестящимъ порою изложеніемъ, подвергались нерѣдко Нотовичемъ весьма существеннымъ измѣненіямъ по цензурнымъ соображеніямъ или въ виду ихъ полемическаго характера.

Между «Новостями» и «Новымъ Временемъ» въ ту эпоху, о которой я говорилъ, велась жестокая полемика, къ участію въ которой первыя привлекли однажды и добровольцевъ изъ среды читателей. Доставалось немало Нотовичу, причемъ, главнымъ образомъ, ставилось ему на видъ его происхожденіе.

Изъ всѣхъ сотрудниковъ «Новостей» Градовскій былъ самымъ непримиримымъ врагомъ сотрудниковъ «Новаго Времени». Не имѣя возможности излить свое нерасположеніе къ послѣднимъ на столбцахъ газеты, Градовскій походя ругалъ ихъ въ редакціи. Онъ это дѣлалъ такъ часто, что Нотовичъ прибилъ къ стѣнѣ редакціонной комнаты жестяную кружку съ печатною надписью: «за упоминаніе газеты «Новое Время» и ея сотрудниковъ виновный вноситъ 20 коп. въ пользу нуждающихся тружениковъ печати». Градовскій нѣкоторое время исправно вносилъ контрибуцію, затѣмъ сталъ обходить запретъ, прибѣгая къ иносказательнымъ выраженіямъ.

Однажды Градовскій вознегодовалъ на одного изъ сотрудниковъ «Новаго Времени»—Петербургца (Лялина)—за какую-то замѣтку противъ него и вызвалъ его на дуэль, окончившуюся смѣхотворнымъ объясненіемъ между секундантами въ одной кондитерской.

Ничѣмъ не окончилась и дуэль между В. О. Михневичемъ и В. П. Буренинымъ, объявившимъ себя противникомъ дуэли.

Не сочувствовалъ дуэлямъ между писателями и А. С. Суворинъ.

— Пусть на полемику отвѣчаютъ полемикою и ругаютъ насъ, сколько душѣ угодно!—отвѣтилъ А. С. на вызовъ того же Михневича:—но дуэль не писательское дѣло: она окончательно стѣснила бы свободу мнѣній и сужденій...

Сотрудники «Новостей» въ минуты хорошаго расположенія духа писали другъ на друга злыя эпиграммы и изображали одинъ другого въ карикатурномъ видѣ. Чтобы спасти эти произведенія отъ полнаго забвенія, ихъ стали наклеивать на редакціонной печкѣ, на карнизѣ которой красовалась надпись: «Печка»—газета откровенная, «теплая» и т. д. Никому не было пощады, даже корректорамъ: особенно курьезныя опечатки наклеивались на печкѣ.

Сотрудничали въ «Печкѣ» своими произведеніями редакторъ «Новостей», В. И. Немировичъ-Данченко, В. Н. Майновъ, В. О. Михневичъ, И. О. Василевскій, Г. К. Градовскій, В. Л. Рязцовъ и другіе.

Просматривая «Печку», Нотовичъ не разъ въ шутку замѣчалъ, что иные его сотрудники пишутъ остроумнѣе на ней, чѣмъ въ газетѣ,

а потому ихъ произведенія для газеты можно бросать въ печь, а написанное для «Печки» съ удобствомъ могло бы быть напечатано на столбцахъ «Новостей».

Популярному профессору-лектору Оресту Миллеру, отличавшемуся большою отзывчивостью, одинъ изъ редакціонныхъ поэтовъ посвятилъ слѣдующее стихотвореніе:

Заговорили о Надсонѣ,
Орестъ надсонить во весь духъ.
Вспомнили о Байронѣ,
Орестъ байронить ужъ за двухъ.
Вотъ въ моду сталъ входить Лопецъ.
Орестъ, ну, лопни жъ—наконецъ!..

О. К. Нотоѣвичу и пишущему эти строки посвящено было язвительное стихотвореніе, которое я привожу въ извлеченіи:

О Фебъ и девять музъ. Скажите, какъ безъ срама,
Редактора «Печи» воспѣть мнѣ Абрама,
По отцу Евгеніевичъ. Вѣдь, онъ
Надъ печью по заслугамъ вознесенъ.
На лбу лишь недостаетъ у него прибавки:
Надъ самымъ носомъ—бородавки,
Дабы пороть онъ могъ свою дичъ.
Какъ самъ вельможный маркизь О'Квичъ...

Разумѣется, никто не обижался на злыя эпиграммы, какъ не обидѣлся и тотъ сотрудникъ газеты, къ которому редакціонный поэтъ обратился со слѣдующимъ четверостишіемъ:

Въ садахъ російской нашей прозы
Ты рубишь терніи и розы,
И останется въ нихъ тогда—
Одна сплошная ерунда.

Щадя здравствующихъ сотрудниковъ и память покойныхъ, я другихъ «печныхъ» эпиграммъ приводить не стану.

V.

Либераль въ опалѣ у либераловъ.—В. И. Модестовъ на столбцахъ реакціонной газеты.—Профессорскій дебютъ Модестова.—Погибшіе и заболѣвшіе профессора—жертвы одесскаго климата.—Побѣда надъ нѣмецкимъ ученымъ, покровительствуемымъ генераль-губернаторомъ.—Врагъ корректоровъ и петербургскихъ ванекъ.—Приглашеніе въ редакцію при посредствѣ печатки въ статьѣ.—Редакціонный Бисмаркъ.—Канцлеръ бисмаркофобъ и его дипломатическія ноты.—Творецъ франко-русскаго альянса.—Политическій астрономъ.—Издатели въ кабалѣ у сотрудника.

Статьи В. И. Модестова, какъ я уже говорилъ, пользовались успѣхомъ среди интеллигентной молодежи. Этому способствовали, кромѣ содержанія статей и прошлаго автора, его борьба съ нѣкоторыми школьными аномаліями добраго, стараго времени, его сомнѣ-

нія въ спасительности классицизма, за которыя В. И. заплатился кафедрой.

Либераль чистѣйшей воды, В. И. Модестовъ навлекъ на себя неудовольствіе своихъ единомышленниковъ послѣ напечатанія имъ въ «Нови» своихъ личныхъ воспоминаній о Н. А. Добролюбовѣ, въ которыхъ не совсѣмъ основательно усмотрѣли отрицательное отношеніе къ знаменитому критику.

Переселившись въ Одессу, гдѣ онъ занялъ кафедру въ университетѣ, Модестовъ принималъ участіе въ либеральномъ «Одесскомъ Листкѣ», а въ одно прекрасное утро объявился на столбцахъ реакціоннѣйшаго «Новороссійскаго Телеграфа». Въ возникшей по этому поводу перепискѣ между нами Модестовъ оправдывался тѣмъ, что не разбирается въ направленіяхъ одесскихъ газетъ.

Недолго пробылъ Модестовъ въ Одессѣ, которую почему-то, по его словамъ, сильно не долюбливалъ, хотя тамъ началъ свою профессорскую дѣятельность, когда прежній Рншельевскій лицей былъ преобразованъ въ 1865 г. въ новороссійскій университетъ.

Разсказывая мнѣ любопытныя подробности, относившіяся ко времени открытія университета, Модестовъ передавалъ, что одесскій климатъ съ его вѣтрами такъ подѣйствовалъ на профессоровъ-сѣверянь, что одни изъ нихъ заболѣли острыми формами первичныхъ болѣзней, а другіе обрѣли вѣчный покой въ нѣдрахъ одесской почвы.

Въ университетѣ юный приватъ-доцентъ Модестовъ дебютировалъ съ успѣхомъ на диспутѣ разгромомъ одобренной юридическимъ факультетомъ магистерской диссертациі какого-то quasi-ученаго лицца, которому покровительствовали мѣстный генералъ-губернаторъ Коцебу.

Модестовъ съ рѣдкой добросовѣстностью относился къ своимъ газетнымъ статьямъ, какъ и къ самой крохотной библіографической замѣткѣ. Малѣйшая опечатка приводила его въ полное отчаяніе. Онъ никакъ не могъ помириться съ тѣмъ, что другіе сотрудники въ подобныхъ случаяхъ отдѣлывались злыми шутками по адресу корректоровъ или редактора.

Ненависть Модестова къ корректорамъ раздѣлялъ одинъ П. И. Вейнбергъ.

— Я, вообще, люблю людей, — заявлялъ П. И.: — по ненависти петербургскихъ «ванекъ» и корректоровъ.

При этомъ Вейнбергъ любилъ вспоминать фразу Некрасова, что опечатка въ стихотвореніи — это клопъ на безукоризненно-чистой манишкѣ рубахи.

Изъ за этихъ-то «клоповъ» Модестовъ часто устраивалъ въ редакціи цѣлыя сцены.

Помню, ночью во время просмотра редакторскихъ оттисковъ Нотовичъ заявилъ, что ему надо бы увидать рано утромъ Моде-

стова по весьма важному дѣлу и что придется написать ему, чтобы онъ пріѣхалъ.

— Модестовъ живетъ не близко, на Гончарной,—замѣтилъ я:— и всего проще сдѣлать маленькую опечатку въ завтрашнемъ фельетонѣ, и В. И. безпремѣнно явится для распекацій.

Насчетъ опечатки постарались корректора, и на слѣдующее утро Модестовъ былъ тутъ, какъ тутъ.

Статьи Модестова, помѣщавшіяся въ «Новостяхъ», вошли въ двѣ объемистыя книги, озаглавленныя «О Германіи» и «О Франціи». Въ статьяхъ своихъ Модестовъ касался и политическихъ темъ.

Писалъ о политикѣ въ «Новостяхъ» Р. И. Сементковскій, впоследствии редакторъ «Нивы» и сотрудникъ «Историческаго Вѣстника». Это одинъ изъ образованнѣйшихъ нашихъ публицистовъ. Его передовыя статьи—это были настоящія дипломатическія ноты. О князѣ Бисмаркѣ Сементковскій говорилъ всегда со скрежетомъ зубовымъ. Посѣщая редакцію въ тѣ часы, когда бывалъ Сементковскій, можно было думать, что находишься въ какой-нибудь дипломатической канцеляріи и что Р. И. взаправду руководитъ внѣшней политикой державы, не принадлежащей къ тройственному союзу.

Много было у насъ претендентовъ на роль устроителей франко-русскаго альянса. Еще недавно эту заслугу приписывалъ себѣ даже увеселительныхъ дѣлъ мастеръ Рауль Гюнсбургъ, получившій будто награду за это отъ императора Александра III.

Но несомнѣнно, что задолго до франко-русскаго союза Р. И. Сементковскій проповѣдывалъ сближеніе съ Франціей. Это можно видѣть и изъ книги его «Въ ожиданіи лучшаго», составленной изъ передовицъ въ «Новостяхъ». За свое усердіе въ дѣлѣ франко-русскаго сближенія Сементковскій ордена не получилъ, но онымъ былъ награжденъ Нотовичъ: послѣ интервью съ французскимъ журналистомъ въ бытность его въ Парижѣ редакторъ «Новостей» получилъ орденъ Почетнаго Легіона.

Въ «Новостяхъ» помѣщалъ одно время бѣглыя обозрѣнія политическихъ «злѣбъ дня» Р. Ѳ. Ильинъ, фельетонистъ нѣмецкаго «Herold», гдѣ печатался подъ псевдонимомъ «Фланеръ».

Насколько фельетоны Фланера, создавшіе ему популярность среди петербургскихъ нѣмцевъ, были интересны, настолько жидковаты и малоинтересны были его политическія замѣтки. Составитель ихъ былъ большой пессимистъ, и ему всегда мерещились зловѣщія черныя тучки или точки на политическомъ горизонтѣ. По крайней мѣрѣ безъ этихъ «тучекъ» и «точекъ» не обходилось ни одно обозрѣніе редакціоннаго астронома. Впрочемъ, надо сказать, что въ то время политическій горизонтъ и не отличался особенною ясностью.

Благодаря «чернымъ точкамъ», Ильинъ скопилъ капиталецъ и часто выручалъ изъ затруднительнаго положенія своихъ издателей,

ссужая ихъ деньгами. Ссуды эти еще болѣе упрочивали положеніе въ редакціи писателя-займодавца.

Разсказывали, будто издатель большой петербургской газеты К—въ очень тяготился сотрудничествомъ Ильинша, но, находясь у него въ неоплатномъ долгу, долженъ былъ поневолѣ пользоваться его услугами.

Политическія статьи помѣщались иногда въ «Новостяхъ» и Нотовичъ. Вообще, «политиковъ» въ редакціи было—хоть отбавляй. Цѣлая дипломатическая канцелярія!

Политическіе вопросы доминировали, какъ въ виду ихъ «злободневности» въ ту эпоху, къ которой относятся мои воспоминанія—эпоху всякихъ болгарскихъ, сербскихъ, армянскихъ и вообще восточныхъ осложненій, такъ и потому, что объ этихъ вопросахъ можно было высказываться смѣло и рѣшительно, объявлять войну, заключать миръ, международные союзы и конвенціи,—разумѣется, только на газетныхъ столбцахъ.

VI.

Два фельетониста.—Баловень судьбы.—Знатокъ «язвъ Петербурга».—Потопленіе героевъ разсказа въ водахъ Фонтанки.—Статьи наложеннымъ платежомъ.—Неудобное «однофамилство».—Смѣна критиковъ.—Фругъ и... Байронъ.—Исповѣдь В. В. Чуйко.—П. Д. Боборыкинъ и декаденты.—Вас. И. Немировичъ-Данченко, побивающій рекорды по части быстрописанія.—М. Л. Песковский и споръ объ авторствѣ книги.

Единственнымъ профаномъ въ вопросахъ политики былъ В. О. Михневичъ. Онъ писалъ воскресныя бесѣды, разсказы и драматическія рецензіи, составлялъ обзорѣнія газетъ, историческихъ журналовъ и очерки провинціальной жизни,—последнія для второго дешеваго изданія.

Въ первомъ изданіи велъ провинціальныя обзорѣнія И. Θ. Василевскій-Буква, съ которымъ едва ли кто могъ соперничать по части знакомства съ провинціею и провинціальными дѣлами и дѣлишками. Буква досконально зналъ всю подноготную російскихъ глуповцевъ и даже такихъ медвѣжьихъ угловъ, куда никогда не заглядывалъ. И если бы вы его разбудили со сна, то онъ разсказалъ бы вамъ, чѣмъ живетъ и дышитъ въ каждую данную минуту русская провинція. И провинція хорошо знала «Букву» и зѣло его побаивалась.

Въ частной жизни Василевскій—милый и благовоспитанный человѣкъ, истый «русскій европеецъ». Знаетъ «Букву» провинція и по «Стрекозѣ», которую онъ долго редактировалъ.

Среди газетныхъ писателей И. Θ. Василевскій является «баловнемъ» судьбы въ полномъ смыслѣ этого слова. То же можно было бы сказать и объ его покойномъ другѣ В. О. Михневичѣ, если бы не

матеріальныя невзгоды въ молодости и преждевременная смерть на 51-мъ году жизни.

В. О. Михневичъ оставилъ, какъ извѣстно, свыше 100.000 руб. на литературный инвалидный домъ и завѣщалъ свои многочисленныя сочиненія кассѣ взаимопомощи литераторовъ. Вотъ человѣкъ, который, во-истину, былъ самъ «кузнецомъ своего счастья».

Михневичъ учился въ молодости въ гимназіи и, какъ многіе русскіе писатели, курса не кончилъ, служилъ въ какомъ-то мебельномъ магазинѣ, былъ лекторомъ у частнаго лица. Какъ онъ рассказывалъ въ печатавшихся въ «Жизни и Искусствѣ» воспоминаніяхъ, онъ часто знавалъ нужду.

Попавъ въ Петербургъ, Михневичъ сталъ подписывать въ юмористическихъ изданіяхъ, но въ то же время работалъ надъ своимъ самообразованіемъ. Любимыми предметами его изученія были прошлое высшаго русскаго общества въ XVI—XVII вѣкахъ и въ частности—прошлое Петербурга, о которомъ онъ могъ бы написать самую обстоятельную исторію, если бы дожилъ до двухсотлѣтія столицы. Прилежное изученіе исторіи отразилось даже на слогѣ В. О.—немного «понамарскомъ».

Беллетристическіе очерки Михневича не блещутъ яркимъ художественнымъ талантомъ, глубиною психологическаго анализа, но они обличаютъ живую наблюдательность бытописателя. Даже когда Михневичъ не копировалъ дѣйствительности, иные узнавали себя въ его произведеніяхъ.

Какой-то купецъ явился однажды къ Михневичу съ претензіями, что онъ вставилъ его и его присныхъ въ свой рассказъ. Даже фамилія купца оказалась случайно схожей съ фамиліей героя рассказа. Какъ авторъ ни увѣрялъ, что фабула рассказа самодѣльная, купецъ не хотѣлъ этому вѣрить, и Михневичъ долженъ былъ обѣщать поправить какъ-нибудь дѣло, ограничившись одной заключительной главой.

— Что же вы сдѣлаете, чтобы удовлетворить мнимо обиженнаго?—спросилъ я.

— Возьму да отправлю всѣхъ героевъ кататься въ лодкѣ по Фонтанкѣ и утоплю ихъ тамъ,—отвѣтилъ Михневичъ.

Привелъ ли онъ въ исполненіе свое преступное намѣреніе,—сказать не могу.

Въ рассказѣ Михневича о всеильномъ генералѣ, предъ которымъ все трепещетъ, но который безсиленъ противъ садящихся на его лысину комаровъ, усмотрѣна была аллегорія, и по этому поводу пришлось вступать въ объясненія непріятнаго свойства...

Все имъ написанное, кромѣ театральныхъ рецензій, Михневичъ выпускалъ отдѣльными книгами, дававшими ему хорошій доходъ. Въ «Новостяхъ» онъ велъ юмористическій «Словарь достоуважаемыхъ россіянъ», вышедшій потомъ подъ заглавіемъ «Наши зна-

комые». Въ этотъ сборникъ вошли свыше 1000 бѣглыхъ характеристикъ разныхъ дѣятелей, и это одно обезпечило сбытъ книги.

Работая въ одномъ провинціальномъ изданіи, но моему приглашенію, Михневичъ посылалъ свои статьи «наложеннымъ платежомъ», оправдывая свое недовѣріе неаккуратностью иныхъ издателей въ уплатѣ гонорара.

Свои сбереженія Михневичъ помѣстилъ въ акціяхъ какой-то Кавказской желѣзной дороги, которая потомъ продалъ съ большою для себя выгодой. Кто-то даже въ шутку назвалъ его тогда «желѣзнодорожникомъ» и спросилъ, не онъ ли управляетъ желѣзнодорожнымъ департаментомъ, намекая на его однофамильца, виднаго чиновника министерства путей сообщенія. Это «однофамильство» было однажды причиною забавнаго *qui pro quo*.

— Является однажды ко мнѣ,—разсказывалъ В. О. Михневичъ,—господинъ въ желѣзнодорожной формѣ и бросается мнѣ на шею. Я недоумѣваю.

— Неужели ты не узнаешь меня, Володя, вѣдь мы съ тобою на одной школьной скамьѣ сидѣли? Помнишь?

— Очень радъ свидѣться. Чѣмъ могу служить?

— Объ этомъ потомъ, а пока давай, тряхнемъ стариною.

— И бывшій школьный товарищъ сталъ меня убѣждать,—передавалъ Михневичъ,—поѣхать съ нимъ къ Дону обѣдать, сунуть подарокъ, въ видѣ рѣдкой картины, на память о старой дружбѣ и въ разговорѣ часто упоминалъ о какихъ-то обидахъ по службѣ. Я сталъ догадываться, что мой бывшій коллега ошибся дверью.

— Чѣмъ же я-то могу помочь?

— Какъ чѣмъ? Одного твоего слова достаточно, чтобы мое положеніе измѣнилось...

— Мое слово, слово рядового писателя...

И Михневичъ убѣдилъ своего товарища, что онъ не тотъ, за кого его принимаютъ...

— Едва ли,—шутилъ Михневичъ,—кто-либо приписываетъ моему желѣзнодорожному однофамильцу мои сочиненія, а онъ мнѣ, между тѣмъ, причиняетъ-таки иногда маленькія огорченія...

Журнальныя обозрѣнія и критику велъ въ «Новостяхъ» сначала В. В. Чуйко, котораго затѣмъ смѣнилъ А. М. Скабичевскій. Въ этой перемѣнѣ критиковъ я невольно сыгралъ маленькую роль.

Чуйко помѣщалъ критическіе очерки, посвященные разборъ молодыхъ—нынѣ уже старыхъ—поэтовъ, изъ коихъ многіе не имѣли еще даже сборниковъ своихъ стихотвореній. Этими молодыми поэтами были тогда Андреевскій, Минскій, Мережковскій, Фругъ и другія. По просьбѣ Чуйко, я доставалъ для него у знакомыхъ авторовъ ихъ разбросанныя въ разныхъ изданіяхъ стихотворныя произве-

денія. Достать для него и стихотворенія Фруга ¹⁾, котораго я лично хорошо зналъ.

Велико было мое удивленіе, когда Чуйко прислалъ фельетонъ о Фругѣ, гдѣ характеризовать его, какъ поэта несамостоятельнаго, подражателя Байрона, котораго онъ-де копируетъ—не по имѣющимся переводамъ, а прямо такъ-таки по англійскому тексту. Это сходство съ Байрономъ, котораго Фругъ штудировать будто въ англійскомъ подлинникѣ, иллюстрировалось параллельными цитатами на англійскомъ и русскомъ языкахъ.

Какъ ни лестно было для Фруга знакомство съ великимъ поэтомъ въ подлинникѣ, но это была напраслина, ибо Фругъ, какъ мнѣ было доподлинно извѣстно, никакихъ иностранныхъ языковъ, ниже англійскаго, тогда не зналъ. Сынъ землевладѣльца-колониста, начинающій поэтъ Фругъ учился на мѣдныя денги въ первоначальной школѣ и лишь впоследствии изучать иностранные языки.

Характеристика Фруга въ критической статьѣ Чуйко могла вызвать улыбку на устахъ у каждаго, знавшаго поэта, и я обратилъ вниманіе Нотовича на ошибку, въ которую впалъ Чуйко. Нотовичъ усмотрѣлъ было въ этомъ излишнее увлеченіе съ моей стороны талантомъ молодого поэта, но все же счелъ нужнымъ объясниться съ Чуйко. Каковы были объясненія—я не знаю, но «Новости» остались безъ критика ²⁾. Нотовичъ былъ огорченъ этимъ фактомъ, но я напомнилъ ему объ А. М. Скабичевскомъ который помѣщалъ тогда изрѣдка въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» критическія замѣтки о «новыхъ книгахъ». И Скабичевскій стать помѣщать и въ «Новостяхъ» свои журнальныя обзорѣнія.

Читателю, болѣе или менѣе знакомому съ литературною дѣятельностью В. В. Чуйко, должно было казаться, разумѣется, страннымъ одновременное участіе его въ «Новостяхъ», въ юдофильскомъ «Русскомъ Евреѣ», а затѣмъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» и въ «Наблюдателѣ» А. П. Пятковского, который чуть ли не въ каждой книжкѣ своего журнала, какъ равно и въ «Гласности», проповѣдывалъ крестовые походы противъ евреевъ.

И вотъ что В. В. Чуйко писалъ мнѣ по этому поводу:

«Я вполне раздѣляю ваше мнѣніе о статьяхъ по внутреннимъ вопросамъ, помѣщенныхъ въ «Наблюдателѣ». Этихъ взглядовъ я ни въ коемъ случаѣ не раздѣляю и когда пишу въ «Наблюдателѣ», то только за подписью всей моей фамиліи, желая этимъ показать, что я не солидаренъ съ журналомъ по другимъ вопросамъ, тѣмъ

¹⁾ Кстати отмѣчу, что первое изданіе стихотвореній С. Г. Фруга было проредактировано В. П. Буренинымъ, который вначалѣ относился весьма благожелательно къ молодому поэту, а впоследствии не разъ дѣлалъ его мишенью для своихъ критическихъ стрѣлъ.

²⁾ Фельетонъ Чуйко о Фругѣ въ нѣсколько смягченномъ видѣ былъ помѣщенъ въ изданной имъ книгѣ о молодыхъ поэтахъ.

болѣе, что я не принадлежу къ составу редакціи этого журнала. Мнѣ кажется, что отъ меня, какъ отъ писателя, большаго и требовать нельзя. Признаюсь вамъ, литературные кружки и кружковщину я ненавижу и никогда не принадлежалъ ни къ одному кружку, какъ бы почтененъ и симпатиченъ этотъ кружокъ ни казался. Въ литературѣ я понимаю только полную, безусловно самостоятельную индивидуальность писателя; только при этихъ условіяхъ онъ можетъ быть искрененъ и правдивъ; всякія цѣпи, накладываемыя на писателя кружкомъ, только обезсиливаютъ его. Этихъ мнѣній я всегда держался и всегда, сообразно съ ними, поступалъ; я писалъ въ журналахъ и газетахъ разныхъ направленій, не стѣняясь тѣмъ, *qu'en dira t'on*; смѣю надѣяться, что, несмотря на это, несмотря на то, что въ нашей журналистикѣ кружковщина сильно развита, я, какъ кажется, не потерялъ званія порядочнаго человѣка. Моя отрасль не политика, а критика, которая можетъ и должна быть самостоятельна отъ всякой политики.

«Тѣмъ не менѣе, такъ какъ «Наблюдатель», на мой взглядъ, плохо ведется, то я бы съ удовольствіемъ перешелъ въ другой журналъ, болѣе мнѣ симпатичный, но вамъ очень хорошо извѣстно, что это не такъ легко. Существуютъ извѣстныя отношенія, которыя образуются сами собой съ теченіемъ времени и которыхъ забывать невозможно. Съ этими отношеніями связаны извѣстныя условія, которыя точно также не отъ меня зависятъ. Все это не мѣшаетъ мнѣ работать самостоятельно и постоянно въ другихъ журналахъ».

Въ этомъ смыслѣ высказался Чуйко въ письмѣ ко мнѣ и при другой okazji, когда ему стало извѣстно объ уходѣ изъ газеты, въ которой онъ участвовалъ, группы сотрудниковъ изъ-за приглашенія скомпрометтированнаго въ некрасивыхъ дѣлахъ писателя.

Скабичевскій поработалъ нѣсколько лѣтъ въ «Новостяхъ» и ушелъ. Раньше его ушли Модестовъ, Боборыкинъ, Немировичъ-Данченко и другіе «наболѣшіе», которыхъ замѣнила литературная молодежь. Старики находили періодъ 1883 по 1890 годъ лучшимъ періодомъ въ исторіи «Новостей», періодомъ «литературнаго расцвѣта».

«Старики» и теперь еще бодры и обогащаютъ родную литературу все новыми и новыми произведеніями.

Неутомимый П. Д. Боборыкинъ печатается одновременно въ нѣсколькихъ изданіяхъ и пишетъ пьесы, въ которыхъ, какъ и въ своихъ романахъ, улавливаетъ модныя теченія, знакомитъ съ «новыми людьми» и съ современною «накипью».

Задолго до написанія Боборыкинымъ пьесы «Накипь», въ которой онъ вывелъ «декадентовъ», онъ уже интересовался новѣйшими теченіями въ русской жизни. Сужу объ этомъ потому, что за нѣсколько лѣтъ до появленія пьесы П. Д., съ которымъ я встрѣтился по пріѣздѣ изъ Одессы въ Петербургъ, онъ забросалъ меня вопросами, имѣются ли въ провинціи «декаденты» и что мнѣ извѣстно о нихъ? Мои отвѣты едва ли удовлетворили П. Д., ибо я могъ сказать только,

что въ провинціи хотя и нѣтъ недостатка въ представителяхъ декаданса, но «декадентовъ» я въ то время что-то не встрѣчалъ.

Боборыкинъ не часто бывалъ въ редакціи «Новостей», ибо онъ все больше странствовалъ по заграницамъ, но когда пріѣзжалъ, то вносилъ большое оживленіе въ редакцію своею бесѣдою или, вѣрнѣе, «монологами».

— Боборыкина можно только слушать, такъ какъ онъ забрасываетъ васъ словами и монологами...—заявилъ однажды Михневичъ.

Метеоромъ показывался на редакціонномъ горизонтѣ Вас. И. Немировичъ-Данченко и заражалъ всѣхъ своимъ бодрымъ настроеніемъ. Несмотря на его ужь почтенный возрастъ, отъ него всегда вѣяло—какъ и теперь еще—молодостью.

Немировичъ-Данченко, исколесивъ вдоль и поперекъ всю Европу, могъ одинаково писать романы изъ жизни якутовъ, самоѣдовъ, лопарей, лапландцевъ, какъ и португальцевъ, испанцевъ, корсиканцевъ и неаполитанцевъ. И онъ писалъ съ необыкновенною легкостью и быстротою, побивая всѣ рекорды по части скорописанія. Немировичу ничего не стоило засѣсть въ редакціи и тутъ же написать съ мѣста въ карьеръ продолженіе и конецъ начатой имъ повѣсти. И при всемъ томъ писавшіяся на скорую руку произведенія поражали сочностью и яркостью красокъ, богатствомъ вымысла и картинностью и образностью слога. Такъ писался имъ на моихъ глазахъ превосходный рассказъ, дѣйствіе котораго происходило въ Крыму.

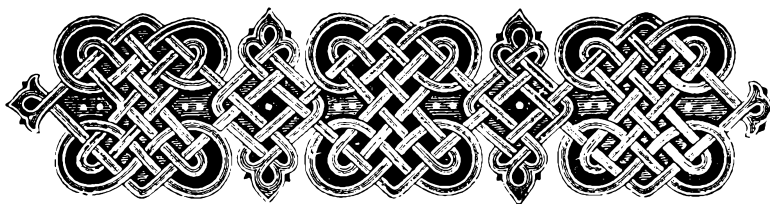
В. И. Немировичъ-Данченко беллетристъ не только въ своихъ произведеніяхъ, но и въ частной бесѣдѣ. Его устные рассказы о разныхъ его житейскихъ приключеніяхъ—художественныя произведенія, которыя при наличности стенографіи или при помощи валика фонографа можно было бы воспроизвести въ печати. Слушая его, вы вмѣстѣ съ нимъ странствуете по Соловкамъ, по Гренадѣ, Севильѣ, Кадиксу и Мадриду и упиваетесь любовнымъ дѣломъ какого-нибудь Родриго съ донной Ипезильей.

Дѣятельное участіе принималъ въ «Новостяхъ» М. И. Песковский. Онъ самъ былъ мастеръ изобрѣтать темы для статей, и ими снабжалъ его часто Нотовичъ, дававшій ему цѣлыя схемы для будущихъ передовицъ.

Такъ какъ въ редакторскихъ оттискахъ статьи Песковского подвергались иногда значительнымъ измѣненіямъ, то Нотовичъ считалъ себя въ правѣ претендовать на ихъ авторство и даже выпустилъ подъ своею фирмою собраніе передовицъ, писавшихся по его темамъ и почти подъ его диктовку, озаглавивъ ихъ—«Основныя реформы». Покойный Песковский въ дружескихъ бесѣдахъ жаловался на ушную у него литературную экспроприацію.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

А. Е. Науфманъ.

ИЗЪ ЖУРНАЛЬНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ¹⁾.

(Литературныя характеристики и курьезы).

VII.

В. О. Португаловъ и Ломоносовъ.—В. П. Острогорскій и выразительное чтеніе.—Незловивый рецензентъ.—Два тенора.—Педостроенная Вавилонская башня.—Желѣзно-дорожный обличитель.—На юбилей А. И. Поповицкаго.—Покровитель «несчастнѣйшихъ» и «многострадальныхъ».—Репортеръ въ роли лакея.—Фабрика новостей.—Милые филантропы.—Авторепортерское свидѣніе.—Литературныя обѣды.—Споръ о Пушкинѣ.

ОРТУГАЛОВЪ, В. О.—публицистъ, гигиенистъ, популярный врачъ, боровшійся съ пьянствомъ, и ярый шестидесятникъ. Его статьями молодежь и даже гимназистки зачитывались. Говорятъ, что одна гимназистка на экзаменѣ на вопросъ: какихъ она читала авторовъ?—отвѣтила: «Ломоносова, Фѣльвизина и Португалова».

Идеалы шестидесятыхъ годовъ Португаловъ проводилъ въ своихъ статьяхъ въ «Новостяхъ». Онъ оставался вѣренъ имъ до конца дней, хотя немало выстрадалъ за нихъ.

Не выходя почти изъ-подъ надзора самарской полиціи, Португаловъ доставлялъ большія огорченія администраціи своими протестами противъ беззаконій провинціаль-ныхъ Держимордъ и угрозами поднять на ноги «весь Петербургъ», «всю Европу».

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХХ, стр. 122.

— Помилуйте!—жаловался однажды губернаторъ прибывшему изъ Петербурга писателю, заинтересовавшемуся португальскими разоблаченіями въ печати. — Я назначилъ заслуживающаго довѣрія чиновника для производства дознанія, а Португаловъ мнѣ заявляетъ: «Я тогда только успокоюсь, когда вы и меня приобщите къ слѣдствію, иначе подниму шумъ на весь міръ...»

Только безвременная кончина и успокоила неугомоннаго борца за правду.

В. П. Острогорскій — симпатичнѣйшій педагогъ, писатель-гражданинъ и общій любимецъ: онъ былъ любимъ своими многочисленными учениками, какъ педагогъ, любимъ въ журнальных и художественно-литературныхъ кружкахъ. Въ «Новостяхъ» помѣщались иногда литературно-юбилейные очерки.

На литературно-юбилейныхъ обѣдахъ и поминкахъ на В. П. возлагали характеристики чествуемыхъ выдающихся писателей.

Обладая скудными голосовыми средствами, — у Острогорскаго былъ сильный голосъ, — онъ составилъ прекрасную книгу о выразительномъ чтеніи и ратовалъ за обученіе юношества такому чтенію.

Н. О. Соловьевъ — композиторъ, профессоръ музыки и самый неслобивый изъ музыкальныхъ критиковъ. Свою неслобивость Соловьевъ объяснялъ тѣмъ, что критикъ долженъ быть учителемъ и другомъ артистовъ, а не хулителемъ *quand même*, что самый голосистый пѣвецъ можетъ отъ волненія лишиться голоса, если изо дня въ день ругая ругать его, а второстепенный артистъ можетъ развить свои артистическія данныя, если относиться къ нему благосклонно и доброжелательно и въ безобидной формѣ указывать ему на недочеты. Свои взгляды Соловьевъ иллюстрировалъ фактами изъ артистической жизни.

Вспоминается анекдотъ о двухъ артистахъ-пѣвцахъ — М., обладателѣ дивнаго, чарующаго голоса и плохомъ актерѣ, и Ф., умѣвшемъ владѣть своимъ небольшимъ голосомъ и обладавшемъ большимъ драматическимъ талантомъ.

— Если бы, — сказалъ однажды Ф. М. — ву, — я имѣлъ твой голосъ, то покоришь бы міръ.

— А если бы я, — возразилъ тотъ, — при своемъ неумѣннѣ играть имѣлъ еще твой голосъ, то ходилъ бы по міру...

Ф. сдѣлалъ блестящую карьеру и теперь антрепренерствуетъ, а М. умираетъ съ голоду, и въ его пользу устраиваются концерты.

Въ «Новостяхъ» о музыкальномъ легкомъ жанрѣ давалъ рецензіи одновременно съ Соловьевымъ солидный государственный мужъ, тайный совѣтникъ Я. И. Плющикъ-Плющевскій, онъ же Дельеръ, передѣлавшій романы Достоевскаго въ драмы.

За суровые отзывы Плющика-Плющевскаго о подвизавшейся въ Кононовскомъ залѣ опереточной труппѣ покойнаго І. І. Сѣтова редакція была лишена рецензентскаго ырнсла. В. О. Михневичъ

разразился тогда по этому поводу остроумнымъ фельетономъ, гдѣ заявилъ, что рецензентъ, дѣйствительно, не подходитъ для сътовской оперетки, и редакція отнынѣ будетъ посылать въ театръ своего сторожа Онуфрія, который будетъ доволенъ составомъ труппы бывшаго артиста русской оперы Сътова: по Сенькѣ и шапка...

О балетѣ писалъ хорошо извѣстный въ свое время Д. Д. Коровьяковъ. Юристъ по образованію и лекторъ въ драматической школѣ, гдѣ читалъ о декламациі, Коровьяковъ лучше всего интересовался балетомъ. Надо было видѣть, съ какимъ увлеченіемъ толстый съ горбомъ балетоманъ изображалъ «элеваніи» прославленныхъ танцовщицъ!

Въ беллетристическомъ отдѣлѣ газеты участвовали два литературныхъ Аякса—покойный Альбовъ и К. С. Баранцевичъ. Они приступили было къ печатанію писавшагося въ четыре руки романа «Вавилонская башня», гдѣ выведены были дѣятели Пушкинскаго клуба. Впрочемъ, канва романа принадлежала Баранцевичу. Это была беспощадная карикатура на тогдашнихъ поэтовъ, беллетристовъ и критиковъ: Фофанова, Соймонова, Алѣева, Скабичевского, Оболенскаго и другихъ. Даже себя авторы романа не пощадили. Въ литературныхъ кружкахъ произведеніе Баранцевича и Альбова вызвало такое неудовольствіе, что пришлось конецъ его скомкать. Такимъ образомъ, и литературная «Вавилонская башня» осталась не достроенной...

Талантливый Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, тогда еще молодой писатель, помѣщалъ въ «Новостяхъ» превосходные очерки «Съ Урала».

Въ «Новостяхъ» участвовала масса женщинъ. Достаточно назвать госпожъ Аданъ, Цебрикову, Кашеварову-Рудневу, Клемансъ-Ройе, Бартеневу, Назарьеву, Давыдову, Ламаискую, Некрасову и др. Это былъ цѣлый феминистскій клубъ.

Въ газетѣ участвовали и лица, которыя, строго говоря, къ сонму писателей причислены быть не могутъ. Это были скорѣе поставщики матеріала для статей: ихъ произведенія приходилось облекать въ литературную форму. Нерѣдко такіе авторы не узнавали своихъ произведеній, предполагая, что помѣщенные въ газетѣ статьи доставлены другими лицами, предвосхитившими ихъ идеи.

Къ числу такихъ авторовъ слѣдуетъ отчасти отнести К. О. де-Скроховскаго, занимавшаго впослѣдствіи должность главнаго контролера Привислинскихъ желѣзныхъ дорогъ.

К. О. де-Скроховскій былъ желѣзнодорожный обличитель.

Онъ всегда изобличалъ желѣзныя дороги, или, вѣрнѣе, бывшее главное общество російскихъ желѣзныхъ дорогъ, вѣтъ процессъ съ

этимъ обществомъ изъ-за копеечки, перебранной у него, и довелъ его до высшей судебной инстанціи. Книга его «Желѣзнодорожное хозяйство и бюрократія», напечатанная въ восьмидесятихъ годахъ, была сожжена.

Своими разоблаченіями, печатавшимися, кромѣ «Новостей», въ «Гражданинѣ» и «Віржевыхъ Вѣдомостяхъ», де-Скροховскій спасъ, какъ онъ говорилъ, не одинъ миллионъ казѣ и находился поэтому подъ особымъ покровительствомъ покойнаго Т. И. Филиппова, государственнаго контролера. Наградой за обличительную дѣятельность послужила казенная служба съ хорошимъ окладомъ...

Статьи де-Скροховскаго и инженера Т—го были причиною процесса о диффамаци, затѣяннаго противъ «Новостей» желѣзнодорожнымъ королемъ Ададуровымъ, представителемъ котораго явился князь А. И. Урусовъ, самъ сотрудникъ «Новостей». Редактору газеты, помнится, инкриминированы были какъ разъ фразы, которыя принадлежали мнѣ и написаны были на основаніи разсказаннаго однимъ изъ инженеровъ, поставлявшихъ обличительный матеріаль.

Разумѣется, Урусовъ порвалъ тогда съ редакціею, куда являлся иногда корректировать свои рѣчи, внося большое оживленіе. Слушать его было истинное наслажденіе. Онъ чарующе дѣйствовалъ на васъ своимъ симпатичнымъ баритономъ.

Помню, когда Урусовъ корректировалъ свою знаменитую рѣчь по дѣлу людинскихъ евреевъ, обвинявшихся въ ритуальномъ убійствѣ, онъ съ такимъ негодованіемъ говорилъ объ этомъ и другихъ поклонахъ, что Нотовичъ, замѣтилъ:

— Я не удивлюсь, если евреи изберутъ васъ въ раввины...

Какъ человѣкъ непричастный къ литературѣ, де-Скροховскій на редакціонныхъ собраніяхъ попадалъ иногда въ комическое положеніе.

Вся почти редакціонная семья участвовала въ юбилейномъ чествованіи покойнаго редактора «Паломника» А. И. Поповицкаго, издававшаго до того и «Театральный Листокъ». Поповицкаго уважали и любили, какъ добраго и симпатичнаго человѣка.

Въ юбилейный день явился случайно въ редакцію де-Скροховскій.

— Вы обѣдаете съ нами сегодня у Понсэ?—спросилъ его кто-то.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ онъ.

Народу собралось много. Де-Скροховскій былъ немного изумленъ при видѣ массы незнакомцевъ, изъ коихъ большинство были во фракахъ. Отправляясь на обѣдъ, онъ полагалъ, что многочисленная дружина «Новостей» рѣшила просто отобѣдать и провести хорошо время. Но вотъ, когда, по выраженію обѣденныхъ репортеровъ, въ бокалахъ зашкрипѣло шампанское и кто-то сталъ гово-

рѣчь, упоминая про уважаемаго всѣми «Александра Ивановича», де-Скроховскій, недоумѣвая, обратился къ своему сосѣду:

— Скажите на милость, что это за Александръ Ивановичъ и по какому случаю что-то объ немъ тутъ говорить?

— Да вѣдь это юбиляръ.

— Какой такой юбиляръ?

— Котораго мы сегодня чествуемъ—Поповицкій.

— Ничего не понимаю. Кто это «мы» и кто Поповицкій? Никогда не слыхивалъ. Что онъ сдѣлалъ?

— Онъ писатель.

— А что онъ писалъ?

Оказалось, что и сосѣдъ былъ не изъ особенно свѣдущихъ людей по части литературы. И онъ, какъ и де-Скроховскій, былъ збѣлосконфужень. На выручку де-Скроховскому явился болѣе знакомый съ заслугами юбиляра Г. К. Градовскій.

Канторою газеты «Новости» завѣдывалъ В. Н. Никитинъ, извѣстный писатель, тюремовѣдъ и специально тюремный филантропъ, авторъ «Многострадальныхъ» и другихъ произведеній изъ быта всевозможныхъ «многострадальныхъ» кантонистовъ, тюремныхъ обитателей и вообще всякихъ униженныхъ, оскорбленныхъ и обездоленныхъ.

Ратуя за интересы этихъ послѣднихъ, Никитинъ вступалъ въ драку со всѣми, кто покушался на благополучіе покровительствуемыхъ имъ «несчастнѣйшихъ».

Въ «Новостяхъ» Никитинъ помѣщалъ статьи по тюремнымъ и другимъ вопросамъ.

Обладая несомнѣннымъ литературнымъ дарованіемъ, Никитинъ, какъ бывшій кантонистъ, учившійся чему-нибудь да какъ-нибудь, не всегда писалъ въ согласіи съ Протомъ.

Въ качествѣ тюремнаго филантропа, онъ однажды обвинялъ профессора-филантропа чуть ли не въ присвоеніи филантропической копейки...

По репортерской части подвизался въ «Новостяхъ» въ мое время король репортеровъ Юлій Шрейеръ.

Чинъ статскаго совѣтника, прежняя служебная карьера (Шрейеръ занималъ въ Варшавѣ постъ предсѣдателя цензурнаго комитета) и почтенный уже возрастъ не мѣшали королю репортеровъ изгибаться въ три погибели, когда нужно было добыть какое-нибудь цѣнное свѣдѣніе.

Однажды Шрейеръ узналъ, что заправила одного акціонернаго учрежденія, желая скрыть отъ печати свой обмѣлъ мнѣніями, рѣшили собраться въ ресторани на якобы товарищескій обѣдъ.

— Отчетъ будетъ своевременно вамъ доставленъ,—заявилъ онъ редактору газеты.

И участники конспиративнаго обѣда на слѣдующій день, къ изумленію своему, прочитали въ одной газетѣ всѣ свои сужденія и дебаты. Оказалось, что среди прислуживавшихъ официантовъ за обѣдомъ затесался какими-то судьбами «король репортеровъ».

По репортерской части, кромѣ «короля репортеровъ» Ю. О. Шрейера, подвизался и «вице-король» Животовъ, авторъ цѣлаго ряда уголовныхъ романовъ, онъ же редакторъ «Вѣстника общества покровительства животнымъ», устроитель въ Нижнемъ Новгородѣ лоттерей въ пользу общества покровительства животныхъ, за которую генераль Барановъ отнесся весьма немилостиво къ покровителю животныхъ, державшемуся завѣта: «блаженъ, иже скоты милуетъ». Барановъ усмотрѣлъ какіе-то недочеты въ кассѣ и дефекты въ устройствѣ лоттерейныхъ урнъ.

Голова Животова—была настоящая фабрика новостей. У него всегда имѣлись въ записной книжкѣ и въ карманахъ огромные запасы свѣдѣній. Стоило сказать ему, что хроника скудная, и Животовъ садился за столъ и фабриковать новости, пока его не просили «заткнуть фонтанъ».

Среди репортеровъ попадались интересные экземпляры. Поставлялъ въ газету или, вѣрнѣе, во всѣ газеты небольшія замѣтки нѣкто Волокитинъ. Когда-то Волокитинъ былъ юркій и шустрый репортеръ. Но по старости лѣтъ или другимъ причинамъ, онъ сократилъ свою репортерскую дѣятельность и сталъ ограничиваться измышленіемъ слуховъ. Онъ свелъ знакомство съ двумя спившимися субъектами изъ захудалыхъ купцовъ и приписывалъ имъ, съ ихъ согласія, всякія затѣи, которыя имъ и въ голову не приходили, вродѣ учрежденія разныхъ обществъ, благотворительныхъ пріютовъ и т. п. Ни одна изъ этихъ затѣй, разумѣется, осуществлена не была. Такъ какъ фамиліи и званіе мнимыхъ филантроповъ назывались полностью, то газеты попадались на удочку.

Были у Волокитина еще поставщики матеріала въ лицѣ «угличанъ». Дѣло въ томъ, что въ Петербургъ прибыло нѣсколько угличанъ съ цѣлью хлопотать о возвращеніи изъ ссылки изъ Тобольска знаменитаго углическаго колокола. «Ходоки» или депутаты застряли въ Петербургѣ, обивали пороги всевозможныхъ канцелярій и разныхъ лицъ, и о каждомъ ихъ шагѣ Волокитинъ исправно оповѣщалъ читающую публику. Это было выгодно и для Волокитина, и для депутатовъ, получавшихъ средства отъ пославшихъ ихъ въ столицу земляковъ. Къ депутатамъ примкнули случайно жившіе въ Петербургѣ угличане, возникло цѣлое общество или колонія угличанъ, и съ ихъ жизнью и знакомилъ Волокитинъ. Газеты скоро раскусили недоброкачественность волокитинскихъ свѣдѣній, и его свели на нѣтъ.

Такая же судьба постигла и нѣкоего Э.—поставщика административныхъ новостей, зарабатывавшаго по шестидесяти и болѣе ко-

пеекъ за строчку, смотря по количеству столичныхъ и провинціальныхъ изданій, печатавшихъ сообщенія этого писателя. У него даже была дома цѣлая канцелярія, гдѣ фабриковались эти сообщенія, а фабриковались они такимъ образомъ.

Э. прибрѣталъ въ государственномъ контролѣ или другомъ учрежденіи проектъ какой-нибудь предполагаемой и часто не осуществляемой реформы и выкраивалъ изъ него замѣтки. Сегодня сообщитъ сущность проекта, завтра отзывъ одного вѣдомства, запрошеннаго по предмету реформы, затѣмъ другого, третьяго и т. д. Такъ какъ въ проектахъ приводились и мнѣнія губернаторовъ, то Э. и ихъ приводилъ, а затѣмъ сталъ варьировать свои прежнія сообщенія. Въ однихъ только «Новостяхъ» Э. зарабатывалъ 100—150 руб. въ мѣсяцъ, а когда раскрылся секретъ фабрикаціи имъ сообщеній, то заработокъ его палъ до 20—30 руб. въ мѣсяцъ. И въ другихъ газетахъ стали слѣдовать примѣру «Новостей», и Э. занялся другими дѣлами, сталъ ѣздить по выставкамъ и писать въ газеты отчеты объ экспонатахъ и экспонентахъ, выпускавшіеся потомъ въ видѣ роскошныхъ книгъ и альбомовъ.

Были и репортеры вполне добросовѣстные, честно зарабатывавшіе свои скромные гонорары. Припоминаю такой эпизодъ.

Явившемуся въ редакцію К—скому я заявилъ, что онъ давно уже не доставлялъ ни одного интереснаго свѣдѣнія.

— Что же? Прикажете мнѣ утопиться или утопить кого-нибудь и затѣмъ описать вамъ это?—заявилъ въ шутку К—скій.

На слѣдующій день К—скій явился въ редакцію блѣдный, точно въ воду опущенный.

— Ну, вотъ и накаркали мнѣ!

— Что случилось?

— А случилось то, что я и цѣлая компанія отправились кататься по Невѣ, лодку накрепко, всѣ очутились во водѣ, присяжный повѣренный Гребенщиковъ утонулъ, а мы всѣ спаслись; вотъ вамъ и интересное свѣдѣніе очевидца, которое вы желали имѣть...

Поставляли репортерскія свѣдѣнія и извѣстные писатели, и даже именитые обыватели не гнушались заниматься репортерствомъ, т. е. описывать факты и событія, очевидцами коихъ они являлись, и затѣмъ предъявлять требованія объ уплатѣ соответственнаго гонорара.

Одно время предполагалось распредѣлить репортерскія обязанности между «набольшими».

Отчеты о засѣданіяхъ кредитнаго общества писалъ В. О. Михневичъ, о философскихъ и филологическихъ докладахъ—профессоръ Модестовъ, о врачебныхъ засѣданіяхъ врачи и т. д. Реформа эта не привилась.

Вообще Нотовичъ былъ нестоимъ по части реформъ въ газетѣ, заведенія новыхъ рубрикъ и т. п., но все это не спасало «Новостей» отъ хроническихъ дефицитовъ и полнаго крушенія въ осво-

бодительные дни, когда Нотовича покинули все сотрудники, не сошедшиеся с ним во взглядах на тогдашнія событія.

Нотовичъ не вѣрилъ въ близкое торжество всехъ конституціонныхъ свободъ, а молодая редакція была другого мнѣнія на этотъ счетъ. Не послѣднюю роль играли и личные недоразумѣнія съ не особенно уживчивымъ редакторомъ.

Получивъ тогда отъ Нотовича телеграмму съ просьбою захватить въ редакцію, я не заставилъ себя долго ждать.

— Вернитесь ко мнѣ и сформируйте мнѣ новую редакцію,— обратился ко мнѣ О. К. Нотовичъ.

Я поблагодарилъ за добрую память, обѣщалъ направить къ нему нѣкоторыхъ товарищей по «Биржевымъ Вѣдомостямъ», оставшихся не у дѣлъ съ переходомъ газеты въ руки кадетовъ, но самъ не пожелалъ фигурировать въ роли «шрейкбрехера». Обѣщаніе я выполнилъ, но, на бѣду, забастовалъ и фактическій издатель покойный Н. П. Бакъ, отказавъ въ отпускѣ средствъ. «Новости» исчезли навсегда съ журнальнаго горизонта.

Въ то время, къ которому относятся мои воспоминанія, стали прививаться литературные обѣды, устранявшіеся ежемѣсячно сотрудниками «Новостей» по инициативѣ И. Ѳ. Василевскаго и В. О. Мухоморова.

Къ участію въ обѣдахъ привлекались и сотрудники другихъ изданій. Тутъ можно было встрѣчать и престарѣлаго В. П. Безобразова, и В. Д. Спасовича, Е. И. Утина, В. Д. Стоюнина, С. В. Максимова, П. В. Гайдебурова, В. А. Полетику, С. Н. Шубинскаго, И. Ѳ. Горбунова и всю дружину «Новостей». На обѣдахъ произносились рѣчи, говорились экспромты, читались стихотворенія, смѣшили всехъ неистощимый генералъ Дитятинъ.

Обѣды, какъ нельзя болѣе, способствовали сближенію писателей.

Нѣкоторые обѣды носили характеръ чествованій или поминковъ.

Съ большою торжественностью были обставлены поминки по А. С. Пушкинѣ, по случаю пятидесятилѣтія со дня его кончины.

Помню, какое сильное впечатлѣніе произвела на всехъ присутствовавшихъ фраза прекрасной рѣчи Г. К. Градовскаго:

«А вѣдь, господа, Пушкинъ могъ бы быть среди насъ, и мы чествовали бы его по какому-либо другому случаю».

На этомъ же обѣдѣ произошелъ крупный инцидентъ, вызванный рѣчью В. Д. Спасовича. Послѣдній сравнилъ Пушкина съ Альфредомъ Мюссе, Гейне и еще какимъ-то второстепеннымъ польскимъ писателемъ, фамиліи котораго теперь не помню. За обиженную память Пушкина заступился В. А. Полетика и особенно В. В. Комаровъ. Въ спорѣ принялъ участіе и В. И. Модестовъ и другіе, по противники остались при своихъ мнѣніяхъ.

VIII.

Возвращеніе въ Одессу.—Редакціонное пропунціаменто.—П. А. Монтеверде.—Терніи провинціального журналиста.—Недоразумѣнія съ цензурой и администраціей.—Запретныя темы.—Запрещеніе писать о кафешантаннхъ этуаляхъ.—Распря газетъ и ея родоначальникъ въ Одессѣ.—Газетная конкуренція на почвѣ народнаго голода.—Сборникъ «Откликъ» и его сотрудники.—Заключенное общежитіе имени Пушкина для немощныхъ труженниковъ печати.—Какъ чествовали П. И. Чайковского въ Одессѣ.—С. Г. Рубинштейнъ и Чайковскій.—В. И. Стасовъ объ одесситахъ.

Въ концѣ 1888 года я получилъ приглашеніе черезъ композитора Н. Ѳ. Соловьева взять на себя завѣдываніе газетою «Одесскій Листокъ», покинутою всѣмъ редакціоннымъ составомъ. «Пропунціаменто» произошло изъ-за вмѣшательства редактора-издателя въ литературную часть. Не желая выступать въ роли «штрейкбрехера»,—этого моднаго нынче слова тогда еще не было въ нашемъ обиходѣ,—я отклонилъ сдѣланное мнѣ предложеніе. Приглашенъ былъ П. А. Монтеверде, который черезъ нѣкоторое время долженъ былъ уложитъ свои чемоданы и вернуться въ Петербургъ. Тѣмъ временемъ старая редакция въ полномъ составѣ пристроилась въ другомъ мѣстномъ изданіи.

Получивъ вторичное приглашеніе, я далъ свое согласіе, соблазненный лучшими климатическими условіями и болѣе самостоятельнымъ положеніемъ въ газетѣ.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ статьѣ «Журнальное страстотерпство» мною было уже рассказано отчасти, при какихъ цензурныхъ условіяхъ и административномъ гнетѣ приходилось мнѣ работать въ Одессѣ. Отъ услугъ откликнувшихся на мое приглашеніе петербургскихъ писателей и бывшихъ моихъ коллегъ по «Новостямъ» пришлось скоро отказаться.

Въ Одессѣ, конечно, оказалось немало талантливыхъ и честныхъ писателей и дѣльныхъ газетныхъ работниковъ. Одесса снабжала и столицы своими писательскими силами.

Многострадальнымъ одесскимъ журналистамъ приходилось выбирать темы для своихъ статей съ большою опаской. Имъ разрѣшалось писать только о погодѣ, о внѣшней политикѣ, о театральнхъ зрѣлищахъ и ругать думу и городскую управу. Впрочемъ, и въ этой узкой, отмсжеванной журналистамъ области ими встрѣчались большія затрудненія. Нельзя было, напримѣръ, порицать исполненіе кафешантанной «этуали» или артистки, пользовавшейся благоволеніемъ мѣстнаго градоправителя П. А. Зеленого или правителя его канцеляріи. Зато одесскіе журналисты могли безпрепятственно смѣшивать другъ друга съ грязью.

Существовавшій много лѣтъ въ Одессѣ «Новороссійскій Телеграфъ» велъ нескончаемую полемику со своими конкуррентами, возводя на нихъ самыя нелѣпыя обвиненія, хотя формуляръ самого издателя этой газеты не изобиловалъ большими подвигами.

Если престижъ журналиста въ Одессѣ стоялъ не особенно высоко, если въ мѣстной думѣ то и дѣло обзывали мѣстныхъ писателей «шантажистами» и «проходимцами», то это всецѣло заслуга издателя «Новороссійскаго Телеграфа» М. Л. Озмидова, немало постаравшагося для умаленія довѣрія къ печатному слову своими полемическими выпадами.

Публика, воспитанная на газетной ругани, скучала, когда въ номерѣ газеты кого-нибудь не раздѣлывали подъ орѣхъ. Когда въ Одессѣ говорили о журналистѣ, что онъ хорошо пишетъ, то это означало, что онъ мастеръ ругаться.

Чаще всего объектами полемики являлись евреи. Направленіе газеты Озмидова по еврейскому вопросу достаточно извѣстно. Статьи «Новороссійскаго Телеграфа» писались такимъ тономъ, что, какъ выяснилось на судѣ изъ показанія свидѣтеля-священника, наканунѣ погрома въ мѣстечкѣ Ширяевъ мѣстный корреспондентъ читалъ ихъ толпѣ, какъ правительственные распоряженія.

Если одна какая-нибудь газета отзывалась хорошо объ игрѣ артиста, то можно было быть заранѣе увѣреннымъ, что ея конкуррентка разругаетъ его въ пухъ и прахъ. Даже общенародныя бѣдствія и имена выдающихся людей не могли объединять одесскихъ журналистовъ.

Когда въ 1891 году въ Россіи всыхнулъ голодъ со всѣми его ужасами, редакція «Одесскаго Листка» предложила мѣстнымъ журналистамъ выпустить литературный сборникъ въ пользу голодающихъ. Предложеніе это сочувствія не встрѣтило. Издатель «Одесскаго Листка» Навроцкій предпринялъ тогда изданіе на свои личныя средства. На мои приглашенія откликнулись присылкою своихъ произведеній и автографовъ писатели самыхъ противоположныхъ направленій: Вл. Соловьевъ, П. Боборыкинъ, В. Буренинъ, Я. Полонскій, Лѣсковъ, Португаловъ, П. Вэйнбергъ, Шеллеръ, Острогорскій, профессоръ Вагнеръ (Коть-Мурлыка), академикъ Я. Гротъ, профессоръ Н. Гротъ, Иловайскій, Вильбасовъ, П. Менделѣевъ, бывший военный министръ графъ Д. А. Милютинъ, графъ Л. Н. Толстой, приславшій свою «Суратскую Кофейню», нѣсколько другихъ своихъ произведеній и выдержку изъ статьи «О голодѣ», не попавшія въ сборникъ, по милости одесской цензуры.

Сборникъ, вышедшій подъ заглавіемъ «Отклики», разошелся весь и доставилъ голодающимъ пару тысячъ.

Чтобы помѣшать распространенію «Откликовъ», нѣкоторые одесскіе журналисты выпустили заднимъ числомъ, подъ фирмою обще-

ства вспоможенія литераторамъ другой сборникъ, не имѣвшій успѣха.

На юбилей «Одесскаго Листка» рѣшено было соорудить въ Одессѣ общежитіе имени Пушкина для немощныхъ труженниковъ печати съ просвѣтительными учрежденіями: школами, аудиторіей, библіотекой и т. п. Дѣло быстро подвинулось впередъ. Собрано было пожертвованій, отъ спектаклей, концертовъ, лоттерей, что-то около двухсотъ тысячъ рублей.

Городъ назначилъ ежегодную субсидію въ пять тысячъ рублей и отвѣлъ безплатно мѣсто, на которомъ выросло огромное роскошное зданіе общежитія. Претендентовъ на комнаты въ общежитіи изъ писателей было немного: преобладали наборщики, печатники и т. п.

Одного того обстоятельства, что инициаторомъ дѣла явился издатель «Одесскаго Листка» Навроцкій, было достаточно, чтобы нѣкоторые писатели еще до сооруженія общежитія отнеслись къ нему отрицательно. Впослѣдствіи выяснилось, что затѣя была неудачная. Русскій писатель самолюбивъ, независимъ и въ богатѣльню не идетъ даже тогда, когда ему негдѣ голову приклонить на старости лѣтъ. Нынѣ зданіе Пушкинскаго общежитія заколочено. Въмѣсто писателей тамъ свили гнѣзда вороны, голуби и галки. Впрочемъ, не послѣднюю роль въ крахѣ учрежденія играло немѣлое хозяйничанье.

Еще примѣръ.

Незадолго до кончины своей гостилъ въ Одессѣ знаменитый нашъ композиторъ П. И. Чайковскій, приглашенный для постановки его оперъ. Покойный адвокатъ-писатель Л. А. Куперникъ за свою подписью и за подписью автора этихъ строкъ разослалъ редакціямъ одесскихъ газетъ приглашенія примкнуть къ чествованію особымъ банкетомъ П. И. Чайковскаго, являющагося и донинѣ красой и гордостью родного искусства. На приглашенія изъ всѣхъ одесскихъ газетъ,—а ихъ было нѣсколько,—откликнулись «Вѣдомости Градоначальства» и листокъ нѣмецкихъ колонистовъ юга—«Odessaer Zeitung».

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело на покойнаго композитора такое отношеніе къ нему представителей прессы.

Кстати любопытная подробность, къ моему разсказу прямого отношенія не имѣющая.

Одною изъ первыхъ подписалась на ужинъ Чайковскаго С. Г. Рубинштейнъ—сестра знаменитыхъ пианистовъ и популярная мѣстная преподавательница пѣнія.

С. Г. сдѣлала соответствующій взносъ, засвидѣтельствовала своею подписью уваженіе П. И. Чайковскому, но на банкетъ не явилась, не пожелавъ, какъ говорили, обидѣть память своего знаменитаго брата А. Г. Рубинштейна, который находился въ дурныхъ отношеніяхъ со своимъ бывшимъ питомцемъ П. И. Чайковскимъ.

Такъ какъ въ сферѣ театральныхъ вопросовъ печатное слово пользовалось относительной свободой, то и туда одесскіе писатели вносили полемическій тонъ. Не послѣднюю роль играло тутъ то обстоятельство, у какого издателя-типографа данный антрепренеръ печаталъ афиши.

До какой безпардонности доходили «рецензін» «Новороссійскаго Телеграфа», показываетъ слѣдующій фактъ.

Подвизалась въ Одессѣ труппа популярнаго въ свое время Н. К. Милославскаго. По какому-то случаю на сцену выведенъ былъ оселъ, вмѣсто обѣщанныхъ въ афишѣ звѣрей. Въ рецензін «Новороссійскій Телеграфъ» заявилъ, что, кромѣ «осла Милославскаго», другихъ звѣрей не было.

На слѣдующій день Милославскій въ отдѣлѣ объявленій пустилъ публикацію о томъ, что, кромѣ его осла, на сценѣ находился еще одинъ оселъ—на рецензентскомъ мѣстѣ «Новороссійскаго Телеграфа».

Одесситы были воспитаны на отличной итальянской оперѣ, что подало однажды поводъ пропагандисту русской музыки покойному В. В. Стасову въ письмѣ ко мнѣ (отъ 13-го апрѣля 1889 года) выдать всѣмъ одесситамъ такую нелестную аттестацію: «Одесская публика въ музыкальномъ отношеніи такъ мало образована, что никакая опера, кромѣ итальянской, ей не можетъ быть надобна».

Какъ бы то ни было, успѣхомъ могли пользоваться въ Одессѣ только выдающіеся пѣвцы.

Одному импрессарию вздумалось удивить одесситовъ пѣніемъ Мазини, когда отъ его нѣкогда дивнаго голоса осталось одно лишь воспоминаніе. Миѣнія одесскихъ газетъ объ итальянской знаменитости раздѣлились. «Одесскій Листокъ», издатель котораго имѣлъ отношеніе къ устройству концерта, такъ какъ откупилъ сборъ у импрессарио и поднялъ цѣны, авансомъ восторгался голосомъ артиста. «Одесскимъ Новостямъ», которыми я тогда завѣдывалъ, градоначальникъ Зеленой запрещалъ писать о Мазини, угрожая всевозможными административными карами за, якобы, возбужденіе умовъ сдержанными отзывами о пѣвцѣ и указаніемъ на необычайно высокія цѣны за билеты на концертъ. Въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» былъ сдѣланъ тогда же доносъ на меня, что я, лишенный возможности касаться концертовъ Мазини въ мѣстной газетѣ, посылалъ, будто бы, возбуждающаго свойства телеграммы въ петербургскую газету «Новости».

Болѣе подробно о моихъ злоключеніяхъ по поводу концертовъ Мазини разсказано извѣстнымъ писателемъ г. Діонео въ сборникѣ «Въ защиту слова», вышедшемъ въ 1905 году.

Инцидентъ по поводу Мазини—одинъ изъ многихъ. Онъ характеренъ въ томъ отношеніи, что къ этому «дѣлу» приложили свои руки мѣстные журналисты.

IX.

Типы и силуэты одесскихъ издателей, редакторовъ и писателей.—Издатель съ тремя отчествами.—Голодающая редакція.—Забракованный «Челкашъ» М. Горькаго.—Война издателя и градоначальника.—Градоначальникъ въ роли-редактора.—Издатель-самородокъ.—Изъ развозчика сельтерской воды въ редакторы.—Какъ чествовали уѣзжавшаго писателя.—Отецъ фельетонистовъ.—Популяризація великихъ писателей.—Уроды журнальной семьи.

Среди редакторовъ-издателей одесскихъ газетъ были люди, далекіе отъ меркантильныхъ и любостыжательныхъ стремленій, смотрѣвшіе на служеніе печатному слову, какъ на нѣкое священнодѣйствіе. Но были и такіе, которые торговали оптомъ и въ розницу печатнымъ словомъ.

Много лѣтъ тому назадъ я помѣстилъ въ нынѣ не существующей газетѣ обличительную замѣтку, направленную противъ одного дѣятеля М—на, у котораго рыльцо было въ пуху. На слѣдующій день меня останавливаетъ на улицѣ М—нъ.

— Ну, милый человѣкъ, ваше обличеніе не достигло цѣли. Вы меня только разорили на пятьдесятъ рублей, которые я долженъ былъ уплатить за письмо въ редакцію.

Въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» была особая рубрика въ текстѣ «За и противъ», гдѣ можно было печатать все, что угодно, уплачивая по таксѣ. Въ этой рубрикѣ, какъ выяснилось на судѣ въ 1887 году при разборѣ дѣла двухъ издателей Навроцкаго и Озмидова о клеветѣ, обѣляли за деньги подрядчиковъ, обиравшихъ русскаго солдата во время русско-турецкой войны. Какъ заявилъ допрошенный въ качествѣ свидѣтеля журналистъ С. Т. Герцовиноградскій, ему предложили три тысячи рублей за статью въ защиту поставщиковъ Грегера, Горвица и Когана. Предложеніе было отвергнуто, и статья появилась въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» за плату въ пять тысячъ рублей.

Въ текстѣ газетъ попадались иной разъ рекламы пріятелямъ издателя, торговцамъ, рестораторамъ, антрепренерамъ, особенно за хорошо оплачивавшіяся объявленія.

Завѣдывавшимъ газетами журналистамъ приходилось часто вести упорную борьбу со вторженіемъ лавочническаго элемента въ литературу. Мнѣ самому пришлось просить цензора зачеркнуть замѣтку о полученномъ однимъ мануфактуристомъ транспортѣ заграничнаго бархата, на помѣщеніи которой сильно настаивала контора.

— Но я не въ правѣ это дѣлать,—взмолился цензоръ:—тутъ ничего нецензурнаго нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, очеркните только злополучную замѣтку краснымъ карандашомъ...

Цензоръ согласился, и неудобная замѣтка не попала.

Апеллировать къ цензору пришлось мнѣ и въ другой разъ по поводу открытія новаго ресторана.

Дружескія рекламы и сведеніе личныхъ счетовъ широко практиковались на столбцахъ «Новороссійскаго Телеграфа». Но издатель этой нѣкогда либеральной газеты, какъ я уже говорилъ, занимался, главнымъ образомъ, травлей разныхъ инородцевъ. Это не мѣшало нѣкоторымъ утверждать, что, выражаясь словами историка Устрялова, онъ едва ли не былъ жидъ. У Озмидова было цѣлыхъ три «отчества»: Львовичъ, Лукичъ и Павловичъ. Метаморфозу въ направлении газеты Озмидова приводили въ связь съ недоразумѣніемъ съ мѣстнымъ финансистомъ евреемъ Бродскимъ, лишившимъ его теплаго мѣста въ одномъ изъ банковъ.

Озмидовъ сослужилъ городу службу, какъ гласный, находившійся въ оппозиціи, и немало содѣйствовалъ городскому благоустройству. Онъ былъ по специальности архитекторъ, но и его архитектурская и служебная дѣятельность также являлась не разъ предметомъ обличенія въ печати и на судѣ.

Въ одесской печати Озмидовъ не былъ «уникумомъ».

Одинъ, нынѣ покойный, одесскій издатель расплачивался со своими должниками старыми чеками по текущему счету, который былъ раньше исчерпанъ полностью.

Издатель «Одесскихъ Новостей» Старковъ обрѣкалъ своихъ сотрудниковъ на жизнь впроголодь. Онъ забиралъ не только доходы газеты, но и авансы у объявителей подъ будущія объявленія. Бумагу, отпускавшуюся ему въ кредитъ, С—въ закладывалъ въ ломбардъ, и ее приходилось выкупать катушками для очередныхъ номеровъ, закладывая кольца и часы сотрудниковъ.

Благодаря такимъ убыточнымъ операціямъ и переплатамъ, бумага обходилась издателю втридорога. И совершенно правъ былъ С—въ, когда онъ однажды воскликнулъ:

— Я единственный издатель въ мірѣ, который не желаетъ распространения своей газеты: каждый лишній подписчикъ, т. е. потребитель бумаги, приноситъ мнѣ ущербъ...

Когда запасъ бумаги истощился, издатель раздобылъ гдѣ-то оберточную бумагу розоватаго цвѣта и сталъ печатать на ней газету. Въ объявленіи отъ редакціи перемѣна бумаги объяснялась стремленіемъ охранять зрѣніе читателей отъ порчи.

На весь редакціонный составъ выдавалось, послѣ цѣлаго ряда домогательствъ, отъ пятидесяти до семидесяти пяти рублей въ недѣлю. Одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ, довольно извѣстный журналистъ П. Р., получалъ — и весьма неаккуратно — пять-

десять рублей въ мѣсяцъ за ежедневныя политическія передовицы, переводы изъ газетъ и литературные обзоры.

Для приглашенія новаго сотрудника, извѣстнаго фельетониста и публициста С. С. Г—ва, потребовавшего авансъ, завѣдующій редакціей долженъ былъ заложить у своего пріятеля купчую крѣпость на домъ издателя.

Когда завѣдующаго кто-то обвинилъ въ печати, что онъ забраковалъ присланнаго ему М. Горькимъ для напечатанія «Челкаша», тотъ отвѣтилъ:

— М. Горькій, вѣроятно, потребовалъ бы за свою повѣсть какой-нибудь гонораръ, а таковой редакция предложить ему не могла бы: въ лучшемъ случаѣ ему платили бы двѣ копейки за строчку. Но М. Горькій былъ предусмотрителенъ и повѣсти своей въ газету не присылалъ.

Издатель часто уѣзжалъ надолго, забирая всю свободную личность въ кассѣ, и оставлялъ газету на произволъ судьбы. Много-страдальныя сотрудники безропотно покорялись этой судьбѣ и даже не проявляли враждебныхъ чувствъ къ издателю, отличавшемуся большимъ добродушіемъ и незлобивою.

Старковъ жилъ подолгу въ Петербургѣ. Здѣсь онъ однажды нашумѣлъ докладомъ въ астрономическомъ обществѣ о борьбѣ съ наводненіями въ Петербургѣ, какъ явленіемъ, періодически повторяющимся. Онъ совѣтовалъ лить масло въ Неву. Предложеніе это вышутили, какъ нелѣпое.

При всемъ томъ Старковъ, по прежней профессіи—штурманъ дальняго плаванія и учитель математики, былъ человекъ съ большими познаніями по астрономіи и математикѣ и хорошій синологъ. Объ его познаніяхъ и умственныхъ запросахъ свидѣтельствовала библіотека, пожертвованная имъ императорской публичной библіотекѣ незадолго до кончины: Старковъ умеръ въ одной изъ петербургскихъ больницъ для душевно-больныхъ.

Въ дурныхъ отношеніяхъ находился постоянно Старковъ съ цензурой и градоначальникомъ Зеленымъ. Въ отсутствіе Старкова Зеленой вымещалъ свою злобу на пишущемъ эти строки, завѣдывавшемъ тогда газетою. Старковъ въ письмахъ своихъ изъ Петербурга успокаивалъ меня сообщеніями, что дни Зеленого сочтены, что въ бытность его въ столицѣ его нигдѣ не принимали, что въ высшемъ «свѣтѣ» извѣстны-де произволъ и чудачества градоначальника.

Находясь въ Одессѣ, Старковъ готовъ былъ лѣзть въ драку съ градоначальникомъ за обиду, нанесенную его сотрудникамъ, и ни за что не уступилъ бы его требованію объ удаленіи изъ редакціи кого-либо изъ нихъ. Кромѣ Старкова, я зналъ еще одного издателя, который имѣлъ мужество противостоять требованію начальства объ

удаленіи сотрудника. Это былъ В. А. Полетика, редакторъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» и «Молвы». Когда, послѣ закрытія «Голоса», Г. К. Градовскій былъ приглашенъ Полетикой, начальникъ главнаго управленія Абаза потребовалъ его устраненія.

— Приглашеніе сотрудниковъ—мое личное дѣло, а не ваше!—отвѣтилъ Полетика Абазѣ.

Рѣшительный отвѣтъ возымѣлъ дѣйствіе: на слѣдующій день Абаза явился съ визитомъ въ редакцію, гдѣ Полетика представилъ ему сидѣвшаго у него въ кабинетѣ «революціонера» Градовскаго...

Не легко дышалось журналистамъ и тогда, когда генералъ Зеленой уѣзжалъ въ отпускъ и его замѣщалъ братъ издателя В. П. Старковъ.

Исправлявшій обязанности градоначальника акушеръ Старковъ также сносился съ редакціей родственной газеты чрезъ посредство приставовъ. Онъ выступалъ и въ роли редактора, требовалъ къ себѣ на просмотръ значительную часть матеріала и производилъ въ немъ большія опустошенія, зачеркивая и вставляя цѣлыя замѣтки на правахъ градоначальника и издательскаго брата. Вчера еще Старковъ любезно пожималъ вамъ руки, а сегодня, въ качествѣ исполняющаго обязанности градоначальника, давалъ чувствовать свою силу. Даже отношенія къ женѣ мѣнялись, когда начальникъ карантиннаго округа превращался въ градоначальника...

Скончавшійся два года назадъ редакторъ-издатель «Одесскаго Листка» В. В. Навроцкій былъ самородокъ въ полномъ смыслѣ этого слова, какъ и назвалъ его И. Н. Потапенко въ посвященномъ ему очеркѣ въ одномъ журналѣ.

Навроцкій никогда ничему не учился, не умѣлъ почти писать, но это не помѣшало ему около сорока лѣтъ издавать газету и быть ея руководителемъ и вдохновителемъ.

— Если бы вы, Василій Васильевичъ,—сказалъ ему на одномъ чествованіи покойный адвокатъ-публицистъ Куперникъ,—родились въ Америкѣ, то, при вашихъ талантахъ, непременно достигли бы наивысшаго въ государствѣ поста—президентскаго.

И надо отдать справедливость Навроцкому: если онъ сдѣлался чуть ли не первымъ лицомъ въ Одессѣ, если весь городъ его зналъ, цѣнилъ, избиралъ на почетныя должности гласнаго и другія, если онъ съ дыравымъ двугривеннымъ въ карманѣ нажилъ крупное состояніе на созданной имъ газетѣ, то всѣмъ этимъ былъ обязанъ своей необычайной энергіи и издательской сноровкѣ.

Навроцкій прибылъ въ Одессу изъ Полтавской губерніи, служилъ мальчикомъ въ типографіи, былъ развозчикомъ сельтерской воды

фирмы «Водолей», а во время франко-прусской войны продавалъ на улицѣ телеграммы о прусскихъ побѣдахъ.

— Базень взятъ въ плѣнъ!—выкрикивалъ будущій издатель, собирая пятачки.

Для увеличенія своихъ заработковъ Навроцкій, какъ онъ самъ мнѣ потомъ рассказывалъ, купилъ гдѣ-то мышеловку, въ которой сидѣла фигурка, изображавшая Наполеона III, заказалъ фотографическій снимокъ и пустилъ его въ продажу.

Въ 1873 году Навроцкому пришла въ голову мысль заняться издательствомъ. Имѣя всего нѣсколько рублей въ карманѣ, онъ отправился къ покойному городскому головѣ извѣстному Н. А. Новосельскому и просилъ его выхлопотать ему разрѣшеніе на изданіе «Листка объявленій». Тотъ обѣщалъ, и черезъ нѣкоторое время на стѣнахъ одесскихъ домовъ и заборахъ стала расклеиваться газета, заключавшая, кромѣ объявленій, городскія происшествія. Послѣднія собиралъ самъ редакторъ по городу, записывая ихъ на своихъ манжетахъ. Навроцкій самолично собиралъ и объявленія для своей газеты по магазинамъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и «Одесскій листокъ объявленій» превратился въ большую политическую и литературную газету—«Одесскій Листокъ», существующую и теперь. Не будучи писателемъ, Навроцкій привлекалъ въ газету лучшія провинціальныя и столичныя силы. Успѣхъ газеты способствовалъ и вѣщей популярности ея издателя. «Ваську»—какъ звали Навроцкаго—знала вся Одесса, отъ мала до велика. Его немало побаивались дѣльцы, у которыхъ рыльца были въ пуху.

Въ своей газетѣ Навроцкій интересовался преимущественно злобами дня, театральной хроникой и городскими происшествіями. Незнаіе грамоты не мѣшало ему вдохновлять своихъ сотрудниковъ, давать имъ темы и находиться постоянно на стражѣ интересовъ газеты. Работая самъ съ пяти часовъ утра до поздней ночи, онъ требовалъ и отъ сотрудниковъ преданности его дѣлу.

Когда онъ находилъ въ газетѣ невѣрное сообщеніе, то дѣлалъ на ней свои собственноручныя отмѣтки: «чилуха и юрунда, штрафъ въ три рубля».

Система штрафовъ и выговоровъ широко практиковалась въ одесскихъ редакціяхъ. Озмидовъ разсылалъ ежедневно по редакціи, типографіи и конторѣ особые приказы и наказы.

Навроцкій былъ самый усердный читатель своей газеты, которая явилась для него и школой грамоты.

Одинъ изъ вновь назначенныхъ въ Одессу генералъ-губернаторовъ, кажется, графъ Тотлебенъ полюбопытствовалъ, гдѣ кто изъ представлявшихся ему редакторовъ одесскихъ газетъ учился.

Редакторъ «Одесскаго Вѣстника» П. А. Зеленой заявилъ, что онъ нитомецъ университета, Озмидовъ кончилъ строительное училище.

— А вы?—обратился генераль-губернаторъ къ Навроцкому,—гдѣ кончили?

— Въ Полтавской губерніи!—былъ отвѣтъ.

Питомецъ Полтавской губерніи поразилъ однажды своею начитанностью одну даму. Газета была пріостановлена, и Навроцкій отправился въ Петербургъ хлопотать о снятіи съ него кары. Хлопоты его не увѣнчались успѣхомъ, и онъ рѣшилъ испробовать послѣднее средство, чтобы умиловить начальника главнаго управленія по дѣламъ печати Θεоктистова. Онъ отправился къ нему на квартиру и вступилъ въ переговоры со швейцаромъ, которому сунулъ на чай пять рублей. Рассказываю объ этомъ со словъ самого Навроцкаго.

— А скажи-ка, любезный, что больше всего любить твоя барыня?—спросилъ издатель.

— Кажись, цвѣты, потому давеча ей все цвѣты приносили... (повидимому, Θεоктистова была именинница).

И Навроцкій отправился въ цвѣточный магазинъ, купилъ роскошный букетъ и предсталъ предъ свѣтлыя очи Θεоктистовой.

— Ваше превосходительство,—обратился къ ней Навроцкій,—разрѣшите поднести вамъ въ знакъ моего глубочайшаго почтенія...

— Очень вамъ благодарна, но чему я обязана такимъ вашимъ вниманіемъ и чѣмъ я могу быть полезна?—недоумѣвала супруга начальника печати.

— Вы все можете, ваше превосходительство. О, женщины!—сказалъ Шекспиръ...

Цитируя великаго классика по фельетонамъ своего фельетониста барона Икса, Навроцкій упустилъ изъ виду конецъ шекспировской фразы: «ничтожество вамъ имя». Если супруга начальника печати была знакома съ Шекспиромъ, то эффектъ цитаты издателя долженъ былъ быть большой.

Какъ бы то ни было, супруга начальника сумѣла, по словамъ Навроцкаго, убѣдить мужа переложить гнѣвъ на милость...

Насколько Навроцкій былъ иетвердъ въ грамотѣ, свидѣлствуютъ, напримѣръ, слѣдующіе факты.

Одному изъ своихъ фельетонистовъ, подписывавшемуся Осой, онъ рекомендовалъ однажды отмѣтить въ своей бесѣдѣ заслуги старѣйшаго присяжнаго повѣреннаго III—ва, баллотировавшагося на должность первоприсутствующаго сиротскаго суда.

— Вы такъ и пишите: онъ былъ «ветеринаромъ» сословія присяжныхъ повѣренныхъ (читай: ветераномъ)...

Фельетонисту-стихотворцу Маркярунѣ Навроцкій совѣтуетъ поговорить о пріѣздѣ въ Одессу цирка Труцци и новаго капельмейстера городского театра Труффи.

— У васъ и риема готова: Труффи—Труцци...

Въ вопросахъ политическихъ, экономическихъ и литературныхъ Навроцкій считалъ себя малосвѣдущимъ и предоставлялъ въ нихъ своему фактическому редактору и сотрудникамъ полнѣйшую свободу.

Разрѣшалъ онъ раздѣлывать подъ орѣхъ мѣстныхъ городскихъ дѣятелей и даже подбадривалъ въ такихъ случаяхъ сотрудниковъ. Чѣмъ больше «раздѣлывали», тѣмъ больше было шансовъ на хорошую розницу, но мнѣнію Навроцкаго.

Въ первый день моего пріѣзда въ Одессу, подписавъ договоръ, въ силу котораго онъ предоставилъ мнѣ фактическое редактированіе газеты, Навроцкій заявилъ мнѣ:

— Раздѣлывайте въ газетѣ, кого хотите, даже меня, пощадите мнѣ одного только человѣка: моего доктора Вдовиковскаго. Касперовской иконѣ Божіей Матери да Вдовиковскому я обязанъ тѣмъ, что, будучи приговоренъ уже къ близкой смерти всѣми врачами и причастившись, я ожилъ снова.

Навроцкій былъ глубоковѣрующій, и въ редакціи служились молебны по случаю каждаго крупнаго событія въ жизни газеты, юбилея сотрудниковъ и т. п.

Не былъ Навроцкій свободенъ отъ нѣкоторыхъ суевѣрій. На обѣдѣ сотрудниковъ въ ресторанѣ оказалось 13 человѣкъ. Навроцкій ни за что не хотѣлъ садиться за столъ и потребовалъ, чтобы привлекли къ литературному обѣду ресторатора, который и возсѣдалъ среди пишущей братіи...

Начальство Навроцкій всегда почиталъ и злѣо боялся его. Зная эту его боязнь, одесскій градоначальникъ, знаменитый Зеленой, не разъ измывался надъ Навроцкимъ, обращался съ нимъ довольно безцеремонно и грубо, требовалъ къ себѣ почти весь газетный матеріалъ, вычеркивалъ и задерживалъ значительную часть его, высылалъ сотрудниковъ за мнимыя провинности, не имѣя на то никакого права.

Особенно огорченъ былъ Навроцкій незаконною высылкой талантливаго фельетониста В. М. Дорошевича, который первымъ дебютнымъ своимъ фельетономъ, въ которомъ разнесъ одесскаго лордъ-мэра Маразли, сразу завоевалъ себѣ успѣхъ. Впрочемъ, Зеленой поспѣшилъ переложить гнѣвъ на милость, но г. Дорошевичъ отвергъ эту милость и лишь въ послѣдствіи вернулся въ Одессу, гдѣ еще болѣе выдвинулся, особенно своими талантливыми сахалинскими письмами, такъ очаровавшими Л. Н. Толстого.

Дорошевичъ пользовался среди одесситовъ рѣдкою популярностью. Когда онъ однажды выступилъ съ воззваніемъ о помощи семьѣ умершаго репортера, то въ редакцію посыпались пожертвованія, достигшія въ нѣсколько дней крупной цифры—что-то около 12.000 рублей!.. Это былъ не единственный читательскій откликъ на обращенія и воззванія писателя...

Трепеща передъ начальствомъ, Навроцкій въ сношеніяхъ съ людьми равными обнаруживалъ большую прямоту и излишнюю подчасъ откровенность.

Когда сотрудники собрались чествовать уѣзжавшаго изъ Одессы фельетониста, беллетриста и поэта К—ва, Навроцкій сказалъ чествуемому слѣдующее привѣтствіе:

— А, знаете, вы у меня задаромъ деньги брали, такъ какъ со-всѣмъ не умѣли потрафлять публикѣ, писали все больше о необходимости распространять полезныя книжки и бороться съ пьянствомъ.

Всѣ были такъ смущены этимъ неожиданнымъ привѣтствіемъ, что словно воды въ ротъ набрали, а самъ чествуемый поглядывалъ на двери.

— Что же это, господа,—прервалъ молчаніе самый скромный изъ репортеровъ:—мы зазвали человѣка въ ресторанъ подь предлогомъ чествованія и попросту высѣкли его. Вотъ ужъ благодарю, не ожидалъ!..

Присутствовавшій на чествованіи Л. Е. Оболенскій пытался загладить впечатлѣніе издательской рѣчи, замѣтивъ, что задачи писателя не только потрафлять улицѣ, что чествуемый служилъ газетѣ вѣрою и правдою, будилъ въ читателяхъ хорошія чувства, любовь къ добру, просвѣщенію и т. д.

Среди туземныхъ журналистовъ, какъ я уже говорилъ въ началѣ моихъ воспоминаній, пользовался большою популярностью С. Т. Герцо-Виноградскій, писавшій подь псевдонимомъ «Баронъ Иксъ».

Молодежь на рукахъ носила любимаго писателя, котораго можно было встрѣчать постоянно въ обществѣ студентовъ...

Вся Одесса буквально зачитывалась фельетонами Икса. Одно время онъ редактировалъ и юмористическо-иллюстрированное приложение въ газетѣ—«Пчелку» и надѣлалъ немало шума, когда въ день Пушкинскихъ поминокъ счелъ умѣстнымъ изобразить жену поэта и у ногъ ея—его убійцу Дантеса. Вызванное этимъ рисункомъ негодованіе доставило писателю не мало огорченій.

При цензурныхъ условіяхъ въ провинціи и при одесскомъ «безтемьѣ» талантъ барона Икса зачахъ. Онъ переходилъ постоянно изъ газеты въ газету въ погонѣ за независимостью сужденій. Большой театраль, Герцо-Виноградскій бросалъ насиженное мѣсто и обрекалъ себя на временную безработицу изъ-за вычеркнутой фразы въ его театральной рецензіи. Редакторы-издатели, которые въ театральныхъ дѣлахъ преслѣдовали свои интересы афишно-типографскаго свойства, не задумывались жертвовать цѣннымъ сотрудникомъ ради интересной прибыли.

Помню такое недоразумѣніе изъ-за замѣтки объ итальянской пѣвицѣ Аркель.

Барону Иксу наканунѣ бенефиса пѣвицы приснился сонъ, что весь городъ у ногъ его любимицы и подноситъ ей цѣлые ювелирные и цвѣточные магазины.

Издатель, который не ладилъ съ антрепренеромъ І. І. Сѣтовымъ, запротестовалъ противъ воспроизведенія въ газетѣ гиперболическаго сна.

— Пусть состоится бенефисъ,—заявилъ онъ барону Иксу,—и тогда пишите правду...

Но фельетонистъ былъ неумолимъ и перенесъ свою дѣятельность въ другую газету.

Столкновенія съ цензурой и издателями не оставались безъ вліянія на психику впечатлительнаго журналиста. За отсутствіемъ матеріала, баронъ Иксъ все чаще и чаще сталъ злоупотреблять цитатами изъ Гейне, Берне, Виктора Гюго, Шекспира и др., способствуя вящей ихъ популярности.

Въ старѣйшей одесской бібліотекѣ Бортневскаго долго выдавали этихъ авторовъ безъ многихъ вырванныхъ страницъ:

— Это все ушло въ фельетоны Икса,—объяснялъ вамъ бібліотекарь.

Баронъ Иксъ преждевременно состарился и умеръ 50-ти лѣтъ пенсіонеромъ писательскаго фонда при академіи наукъ.

Баронъ Иксъ по праву считается отцомъ одесскихъ фельетонистовъ и журналистовъ, воспитывавшихся на его талантливыхъ фельетонахъ.

Въ одесской печати принималъ дѣятельное участіе старый заслуженный писатель С. И. Сычевскій. Это былъ рѣдкій знатокъ европейской и русской литературы. Сычевскій наизусть читалъ цѣлыя страницы изъ Шекспира, Шиллера, Виктора Гюго, Алексѣя Толстого и др. Онъ имѣлъ всѣ права на болѣе широкую извѣстность, но, къ сожалѣнію, былъ подверженъ пороку, преждевременно сведшему въ могилу не одного талантливаго русскаго писателя: Сычевскій умеръ въ больницѣ, куда мнѣ пришлось свезти его, когда недугъ его обострился.

С. И. Сычевскій былъ очень близокъ съ однимъ виднымъ желѣзнодорожнымъ дѣятелемъ, занимавшимъ впослѣдствіи высокій административный постъ. По его порученію, Сычевскій составлялъ какія-то записки и однажды предъявилъ мнѣ толстую рукопись имъ написанной работы, вышедшей потомъ за подписью будущаго государственнаго дѣятеля.

Въ теченіе 40 лѣтъ неутомимо проработалъ въ одесскихъ газетахъ, въ качествѣ политическаго обозрѣвателя и фактическаго редактора, скончавшійся въ 1910 году А. С. Попандопуло, который былъ руководителемъ и учителемъ многихъ одесскихъ журналистовъ. Это былъ человѣкъ очень мирный и покладистый, за что его особенно цѣнилъ издатель.

Помню, когда мы съ нимъ помѣнялись ролями, и я изъ завѣдующаго превратился временно въ передовика и фельетониста, онъ передавалъ мнѣ, скрѣпя сердце, директивы, о чемъ и какъ писать или о чемъ совсѣмъ не писать...

— Баронъ Каульбарсъ (командующій войсками) рекомендуетъ объ «измѣнникѣ» Дрейфусѣ отнюдь не писать въ благопріятномъ для него смыслѣ...

— Но развѣ эта «рекомендація» для насъ обязательна?

— Почти... что прикажете дѣлать!

Другая мѣстная газета сумѣла стяжать себѣ симпатіи читающей Одессы своими смѣлыми статьями и сообщеніями въ защиту «измѣнника» и отодвинуть «Одесскій Листокъ» на второй планъ...

С. Т. Герцо-Виноградскій, С. И. Сычевскій и А. С. Попандопуло не единственные одесскіе писатели, которыхъ можно помянуть добрымъ словомъ. Но многіе и посейчасъ подвизаются въ одесской и столичной печати, и для ихъ характеристики не наступило еще время.

Существовала еще въ Одессѣ газета «Южное Обзорѣніе», которая была предпринята мною вмѣстѣ съ покойнымъ профессоромъ Чижевскимъ. Я далъ газетѣ названіе, выработалъ программу, послалъ ее на утвержденіе, составилъ объявленіе о подпискѣ, которое уже было разослано въ газеты. Когда надо было приступить къ дѣлу, то Чижевъ заявилъ, что своихъ денегъ на газету не дастъ, и предложилъ кому-нибудь изъ насъ обратиться за субсидіею къ одесскому милліонеру Г. Г. Маразли. Я отклонилъ отъ себя это посредничество. Къ тому же переговоры по дѣламъ газеты Чижевъ назначалъ въ ресторанахъ и пивныхъ и приступалъ къ нимъ послѣ изрядной выпивки, когда у него языкъ заплетался.

Я поспѣшилъ уклониться отъ новой газетной затѣи, и «Южное Обзорѣніе» стало переходить изъ рукъ въ руки, и теперь существуетъ подъ другимъ названіемъ.

Освободительное движеніе произвело большую пертурбацію въ одесской печати. Появились новыя, преимущественно копеечныя газеты, народились новые писатели. Читательскій элементъ сильно увеличился, и тиражъ газетъ достигаетъ небывалыхъ раньше цифръ.

Журнальная семья въ Одессѣ, какъ и всякая другая, не была свободна отъ уродовъ. Долго работавшій въ Одессѣ журналистъ, сотрудничавшій и въ московской газетѣ, учелъ однажды въ мѣстномъ банкѣ вексель за подписью своего издателя. Когда наступилъ срокъ платежа и вексель былъ предъявленъ издателю, тотъ призналъ подпись подложной: она была поддѣлана рукою сотрудника. Инцидентъ былъ улаженъ мирно, и издатель, вознамѣрив-

шійся было посадить сотрудника на скамью подсудимыхъ, удержалъ его въ составѣ редакціи.

Среди одесскихъ журналистовъ были и такіе, которые занимались побочными дѣлами, отнюдь не гармонировавшими съ почетнымъ писательскимъ званіемъ.

Одинъ занимался поставкою куръ въ мѣстную больницу и надувалъ эконома, предъявляя ему для оплаты однѣхъ и тѣхъ же куръ по нѣскольکو разъ.

Подвизались въ одесской печати и люди, побывавшіе въ тюрьмѣ. Я зналъ писателя Л—ра, который двукратно судился за подлогъ. Другой, побывавшій въ тюрьмѣ, К—въ изобличенъ былъ въ шпионствѣ.

Журналистъ Л—скій въ замѣткѣ о торжественномъ молебствіи въ кафедральномъ соборѣ, просмотрѣнной редакторомъ, сдѣлалъ въ оригиналѣ заднимъ числомъ каверзную поправку такого сорта, что газетѣ угрожала опасность быть закрытой или, въ лучшемъ случаѣ, лишиться своего ни въ чемъ не повиннаго редактора. Поправка была во время замѣчена и исправленное мѣсто возстановлено, но объ этомъ какими-то судьбами стало извѣстно жандармскому управленію. Произведено было дознаніе. Допрошенная управляющая типографіе йподтвердила инкриминировавшуюся Л—му поправку, которую она, какъ и другіе, объяснили его стремленіемъ подвести фактическаго редактора и занять его мѣсто.

По счастью, все кончилось къ общему благополучію и для редактора и для конкуррента, получившаго скоро службу по одному вѣдомству.

На ряду съ туземными уродами, среди журнальной семьи время отъ времени появлялись пришлые писатели съ подмоченными репутаціями. Видное мѣсто въ одной газетѣ занялъ высланный изъ другого города за уголовно-журнальные дѣянія писатель. Появленіе его вызвало уходъ главныхъ сотрудниковъ и автора этихъ строкъ. Изъ сотрудниковъ, жившихъ внѣ Одессы, покойный В. В. Чуйко извѣстилъ меня, что онъ совершенно индифферентенъ къ составу редакціи и отвѣчаетъ только за свои статьи. Жившій тогда въ Кишиневѣ Л. Е. Оболенскій, подвизавшійся вмѣстѣ съ г. Гофштеттеромъ въ либеральномъ «Бессарабскомъ Вѣстникѣ», прилетѣлъ въ Одессу, чтобы учинить протестъ противъ приглашенія въ «Одесскій Листокъ» неудобнаго сотрудника и примкнуть къ протестантамъ, но остался въ газетѣ на новыхъ условіяхъ.

Если экземпляры съ подмоченной репутаціею выступали на столбцахъ газетъ въ роли моралистовъ, то неудивительно, что менѣе отвѣтственные газетныя функціи исполняли еще болѣе сомнительные субъекты.

Такъ, разничной продажей въ газетѣ завѣдывали сыновья содержательницы пансіона безъ древнихъ языковъ Вайсманъ. Изъ

нихъ одинъ, Александръ Вайсманъ, прославился своею сыщицко-провокаторскою дѣятельностью на Балканскомъ полуостровѣ, за которую награжденъ орденами и другими знаками отличія. Последніе его не избавили отъ скамыи подсудимыхъ, на которую онъ попалъ за свои уголовныя преступленія. Онъ былъ лишенъ всѣхъ своихъ отличій и правъ состоянія и приговоренъ къ тюремному заключенію...

Вотъ съ какими экземплярами приходилось встрѣчаться на провинціальной журнальной почвѣ!

Гдѣ свѣтъ, тамъ и тѣни...

Много терній по пути провинціальнаго журналиста. Ихъ не перечестъ: административный гнетъ, цензурная опека, борьба съ внутренними врагами, въ лицѣ журналистовъ же, и съ виѣшними—обывателями и т. д., и т. д. Все это пришлось мнѣ испытать за мою многолѣтнюю журнальную дѣятельность. Изъ огня тотъ выйдетъ невредимъ, кто побывалъ въ шкурѣ русскаго журналиста.

Обыватель—тотъ чаще всего сутяжничалъ, тянулъ редактора въ судъ, а сотрудникамъ угрожалъ расправами. Продѣлывалъ это иногда и незаурядный обыватель.

Хорошо извѣстный малороссійскій артистъ Садовскій выступилъ съ угрозами по моему адресу за не совсѣмъ благосклонное отношеніе къ его театру. Когда труппа талантливаго Кропивницкаго раскололась на дюжину отдѣльныхъ труппъ, и публикѣ набилъ оскомину старый репертуаръ съ его пьесами, въ которыхъ мужчины пьютъ «горілку» и «таньцуютъ» гопака, а женщины—льютъ «слізи»,—малороссы принялись сначала за Шекспира, и украинскій Гамлетъ восклицалъ: «чи буты, чи ни буты. Отъ-то заковыка»; затѣмъ стали давать на языкѣ Шевченка «Прекрасную Елену», «Птичекъ пѣвчихъ» и «Гейшъ». Я отмѣтилъ не совсѣмъ желательную эволюцію малороссійскаго театра. И въ результатѣ—издатель газеты Навроцкій получилъ ругательное письмо отъ Садовскаго, а я—не менѣе грозныя письма отъ другихъ почитателей малороссійскаго жанра.

Однажды я получилъ требованіе объ удовлетвореніи—до дуэли включительно. Впрочемъ, на этотъ разъ дѣло шло не о литературномъ моемъ преступленіи, и угроза исходила отъ небезызвѣстнаго поэта Б—ва.

Гипнотизеръ Фельдманъ устроилъ гипнотическій сеансъ въ частномъ кружкѣ журналистовъ. Въ состояніе гипноза приведена была молодая, талантливая писательница, страдавшая истеріею.

— Не хотите ли вы внушить спящей сюжетъ для разсказа или что-либо другое?—обратился ко мнѣ гипнотизеръ.

Я согласился и предложилъ писательницѣ написать рассказъ, случайно проронивъ слова: «она, онъ, вагонъ, гробъ». Тутъ же я предложилъ больной избѣгать сношеній съ дѣйствовавшими угнетающимъ образомъ на ея психику, по отзывамъ близкимъ, неуравновѣшеннымъ поэтомъ Б., фельетонистомъ В. и журналистомъ Г.

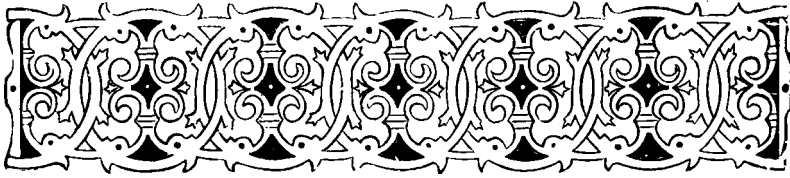
Черезъ нѣсколько дней я получилъ прекрасный рассказъ, гдѣ фигурировала молодая женщина, сопровождающая въ фамиліное имѣніе гробъ своего только что скончавшагося мужа и влюбляющаяся въ интереснаго попутчика, сумѣвшаго расположить ее въ свою пользу своимъ сочувствіемъ къ ея утратѣ. Такимъ образомъ, одна часть моего внушенія спавшей писательницѣ (она, онъ, вагонъ, гробъ) была блестяще выполнена. Другая часть и повлекла за собою грозныя требованія со стороны поэта дать ему удовлетвореніе. До барьера дѣло не дошло, поэтъ удовлетворился моимъ объясненіемъ и сталъ присылать мнѣ въ газету свои поэтическія и прозаическія произведенія.

Изъ огня провинціальной журналистики я снова попалъ въ пылыя столичной,—незадолго до зарожденія освободительнаго движенія. Здѣсь уже не приходилось имѣть дѣло ни съ административнымъ гнетомъ, ни съ цензурой, ни съ сутяжничающимъ обывателемъ, но зато пришлось посидѣть двукратно на скамьѣ подсудимыхъ по 129 статьѣ, и было многое другое, о чемъ будетъ рассказано въ слѣдующемъ номерѣ «Историческаго Вѣстника»...

А. Науфманъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ЖУРНАЛЬНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ ¹⁾.

Х.

Сахарозаводчикъ-меценатъ.—Газета для пріятелей.—Два знатока по церковнымъ вопросамъ.—Проевѣтаніе и гибель газеты.—Биржа и литература.—С. Ю. Витте и издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей».—За и противъ реформъ С. Ю. Витте.—Подставной составитель отчета о засѣданіи государственнаго совѣта.—С. Ю. Витте, лишенный довѣрія.—Писатель Далинъ въ роли генерала на купеческой свадьбѣ.—Вынужденная отставка.—Мнимая психическая болѣзнь Д. А. Линева.—Экспроприация газеты.—9-ое января.—Убитый при исполненіи обязанностей журналистъ.—Ультиматумъ сотрудниковъ.—Свобода печати явочнымъ порядкомъ.—Свобода печати и скамья подсудимыхъ.—Издатель-буржуа—государственный преступникъ.—Редакціонная конституція.—Союзъ съ кадетами.—«Свободный Народъ» и «Народная Свобода».—Неудавшаяся кандидатура въ государственную думу.—Изъ кадетовъ въ мирнообновленцы.—Застольный спичъ В. П. Далматова.—Заключеніе.

ДНАЖДЫ я получилъ срочную телеграмму отъ извѣстнаго сахарозаводчика и благотворителя, нынѣ покойнаго Л. И. Бродскаго, съ просьбой выѣхать немедленно въ Кіевъ для переговоровъ о газетномъ дѣлѣ. Подъ телеграммой красовалась фамилія мало знакомаго мнѣ Р—га.

Въ «Одесскихъ Новостяхъ», перешедшихъ въ руки кредиторовъ издателя, московскихъ писчебумажниковъ, мѣнялись завѣдующіе хозяйственной частью, а вмѣстѣ съ ними и составъ редакціи. Приглашеніе Бродскаго застало меня въ этой газетѣ на амплуа поставщика статей и замѣтокъ по мѣстнымъ вопросамъ, и я, не долго думая, отправился въ Кіевъ по указанному мнѣ въ телеграммѣ адресу.

Я очутился въ квартирѣ, уставленной массой шкаповъ и полокъ съ книгами на разныхъ языкахъ. Скоро явился и владѣлецъ

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СXXX, стр. 611.

библіотеки, представительный мужчина съ необычайно длинною, выхоленною бородою съ просѣдою, въ большихъ черепаховыхъ очкахъ. Это былъ докторъ философій и юриспруденціи заграничныхъ университетовъ Р—гъ, занимавшійся, какъ я потомъ узналъ, сахарными и другими коммерческими операціями и славившійся въ Кіевѣ своими конюшнями и псарней. Р. былъ большой оригиналъ. Его можно было часто встрѣтить на Крещатикѣ въ высокомъ кабріолетѣ, запряженномъ парой коней, или наоборотъ: сидя въ маленькомъ, чуть ли не дѣтскомъ кабріолетѣ, Р. правилъ парой породистыхъ рысаковъ. Пѣшкомъ онъ гулялъ нерѣдко въ сопровожденіи цѣлой своры собакъ различныхъ породъ. Кромѣ собакъ да еще орденовъ, коихъ у него было отъ нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей нѣсколько десятковъ, Р. любилъ, по его словамъ, и газетное дѣло. Онъ обзавелся типографіей, гдѣ печаталась мѣстная газета «Жизнь и Искусство».

— Намъ нуженъ,—объявилъ мнѣ Р.,—фактический редакторъ для погибающей газеты «Жизнь и Искусство», которую мы желали бы сохранить, какъ единственный порядочный органъ въ нашемъ краѣ. Проф. Г. Е. Афанасьевъ, управляющій у насъ государственнымъ банкомъ, зная вашу журнальную дѣятельность въ Одессѣ, указалъ Бродскому на васъ, какъ на человѣка, который можетъ поднять газету...

Для дальнѣйшихъ переговоровъ я былъ приглашенъ къ Л. И. Бродскому въ его палатцу.

Прежде всего я пытался выяснить, будетъ ли газета независима отъ субсидирующаго ее сахарозаводчика и вообще отъ кіевскихъ дѣльцовъ.

— Въ томъ-то и дѣло,—отвѣтилъ Бродскій:—что зависимость отчасти и погубила газету. Нынѣшній ея издатель Кр—скій, какъ городской юрисконсультъ и старшина клуба, связанъ многими личными отношеніями, отражающимися на направленіи газеты; она избѣгаетъ касаться многихъ фактовъ и дѣятелей или говорить о нихъ не такъ, какъ слѣдовало бы. Чтобы обезвредить нынѣшняго редактора, онъ, въ силу нашего соглашенія съ нимъ, долженъ на нѣсколько лѣтъ ступежаться, снять свою фирму и уступить свое мѣсто другимъ.

На вопросъ, что имъ руководить въ заботахъ о сохраненіи и улучшеніи «Жизни и Искусства», Бродскій отвѣтилъ:

— Я поддерживаю газету единственно изъ желанія снасти ее, какъ прогрессивный органъ. Лично меня вы можете ругать, сколько вамъ угодно, можете писать противъ моей дѣятельности, противъ сахарной нормировки, въ которой мы, сахарозаводчики, заинтересованы. Если мнѣ нужно будетъ провести въ печати что-либо, меня интересующее, то, повѣрьте, я сумѣю это сдѣлать безъ васъ: къ моимъ услугамъ вліятельная газета моего друга Дмитрія Ивановича Пихно—«Кіевлянинъ».

Впослѣдствіи я имѣлъ возможность узнать, что еврея Бродскаго и гонителя евреевъ Пихно соединяла самая трогательная дружба. По мысли Пихно, Бродскій соорудилъ въ Кіевѣ стоившій не одну сотню тысячъ бактериологическій институтъ, въ которомъ редакторъ «Кіевлянина», по желанію учредителя, состоялъ безсмѣнно много лѣтъ членомъ правленія. Когда Пихно покупалъ имѣнія, то эти покупки не обходились безъ участія Бродскаго, уступившаго даже своему другу одно изъ своихъ имѣній въ Подольской губерніи.

Получивъ успокоительныя завѣренія насчетъ независимости «Жизни и Искусства» отъ кіевскаго мецената-сахарозаводчика, я далъ согласіе принять на себя завѣдываніе редакціей. Предварительно я долженъ былъ отправиться въ Петербургъ, вмѣстѣ съ кіевскимъ присяжнымъ повѣреннымъ Орловымъ, хлопотать объ утвержденіи его отвѣтственнымъ редакторомъ и задно пригласить петербургскихъ сотрудниковъ. Орловъ былъ человѣкъ, далекій отъ литературы, и обязался не вмѣшиваться въ редакціонныя дѣла. Взаимныя отношенія наши, права и обязанности были оформлены домашнимъ условіемъ.

Утвержденіе новаго редактора послѣдовало скорѣе, чѣмъ это обычно дѣлалось въ то время—въ 90-хъ годахъ. Оказалось, что будущій редакторъ, какъ многолѣтній повѣренный монастырей и церквей Юго-Западнаго края, былъ большой знатокъ церковнаго вопроса. Этимъ вопросомъ, какъ извѣстно, очень интересовался и тогдашній начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати М. П. Соловьевъ, бывшій раньше присяжнымъ повѣреннымъ и имѣвшій также практику по церковнымъ дѣламъ.

— Господи, да вѣдь мы съ вами коллеги!—радостно воскликнулъ Соловьевъ.

У обоихъ «коллегъ» нашлась общая почва для продолжительной бесѣды, закончившейся общаніемъ Соловьева утвердить Орлова редакторомъ, послѣ соблюденія нѣкоторыхъ необходимыхъ формальностей, въ видѣ запроса генераль-губернатору, и т. п.

Тѣмъ временемъ въ редакціи реформированной газеты закипѣла работа, появились именитые сотрудники, столичные и мѣстные, заведены были новыя рубрики, форматъ увеличили въ три раза, текстъ иллюстрировался часто рисунками, что было тогда вновь. Тиражъ газеты, которая раньше издавалась какъ будто специально для пріятелей, сослуживцевъ и партнеровъ редактора, росъ не по днямъ, а по часамъ. Чувствовалось большое оживленіе и въ отдѣлѣ объявленій.

Всему этому, казалось бы, долженъ былъ радоваться Кр—скій, который сразу избавился отъ надоедливыхъ кредиторовъ и которому улыбалась возможность получить черезъ нѣсколько лѣтъ обратно реформированную газету, очищенную отъ долговъ. Но на

бѣду, у Кр—скаго была большая пишущая семья, всѣ члены которой исполняли въ газетѣ всевозможныя функціи. Опасаясь, что съ устраненіемъ его отъ газеты лишатся доходовъ его присные и домочадцы, Кр—скій отказался снять свою фирму, когда пришло утвержденіе Орлова редакторомъ, и сталъ претендовать на вмѣшательство въ редакціонныя дѣла. Повторить старые, неудачные опыты Л. И. Бродскій не пожелалъ и предложилъ мнѣ предоставить Кр—скаго его собственной судьбѣ и оставить газету, на которую щедрый меценатъ успѣлъ уже потратить немало денегъ. Я отрясъ прахъ съ ногъ своихъ, извѣстивъ приглашенныхъ мною сотрудниковъ о своемъ уходѣ. Тѣ поспѣшили снять свои фамиліи съ объявленій о подпискѣ, газета пошла на убыль, просуществовала еще нѣсколько мѣсяцевъ и навсегда прекратила свое существованіе. А счастье было такъ близко, такъ возможно!..

Приглашенный В. В. Навроцкимъ обратно въ «Одесскій Листокъ», я вернулся въ Одессу, гдѣ пробылъ безвыѣздно пять лѣтъ.

Въ 1904 году я переѣхалъ въ Петербургъ, куда былъ приглашенъ С. М. Пропнеромъ въ «Биржевыя Вѣдомости» на амплуа ночного редактора-выпускателя.

С. М. Пропнеръ—человѣкъ съ большими организаторскими способностями, съ несомнѣннымъ издательскимъ чутьемъ. Онъ создалъ нѣсколько изданій, завоевавшихъ себѣ большое распространеніе преимущественно въ провинціи, будившихъ наше сонное провинціальное царство отъ летаргическаго сна и служившихъ въ болѣе благоприятныя для печати времена дѣлу просвѣщенія массъ и прогрессу. Успѣхъ издательскихъ предпріятій г. Проппера тѣмъ болѣе достоинъ примѣчанія, что онъ началъ ихъ, по его собственнымъ словамъ, безъ всякихъ почти средствъ, будучи, какъ иностранный подданный, мало знакомъ съ русскою жизнью и литературою.

Въ свое время любопытное во многихъ отношеніяхъ прошлое «Биржевыхъ Вѣдомостей», карьера и дѣятельность основателя и издателя газеты найдутъ своего историка, въ лицѣ долго и близко стоявшихъ къ изданію журналистовъ. Я могу рассказать здѣсь лишь нѣсколько не лишенныхъ интереса эпизодовъ изъ болѣе или менѣе отдаленнаго и недавняго прошлаго газеты.

«Биржевыя Вѣдомости», возникшія 32 году тому назадъ, долгое время посвящали преимущественно вниманіе биржѣ, желѣзнодорожнымъ, страховымъ и вообще финансовымъ вопросамъ. При «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» выходили тиражные, страховые и желѣзнодорожные листки и прибавленія. Подписчиками шестнадцатирублевой газеты являлись почти исключительно банковскіе и промышленные дѣятели: одно названіе ея, не говоря уже о высокой подписной платѣ, мѣшало ея проникновенію въ широкія

массы. Тиражъ былъ незначителенъ. Но у г. Проппера, какъ я говорилъ, было хорошее издательское чутье. Онъ рѣшилъ завоевать провинцію, иначе говоря, обзавестись дешевымъ изданіемъ, по образцу Комаровскаго «Свѣта», но ему въ разрѣшеніи было отказано. Г. Пропперъ не сложилъ оружія. Онъ обратился за содѣйствіемъ къ С. Ю. Витте. Надо сказать, что «Биржевыя Вѣдомости» стояли всегда горю за всѣ реформы и мѣропріятія С. Ю., отстаивая винную монополію, золотую валюту и т. п. Къ десятилѣтію государственной дѣятельности бывшаго министра путей сообщенія и финансовъ редакцію «Биржевыхъ Вѣдомостей» была выпущена объемистая книга, посвященная ему.

Благодаря письму С. Ю. Витте къ бывшему министру внутреннихъ дѣлъ И. Н. Дурново, съ 1893 года стало выходить четырехрублевое второе изданіе «Биржевыхъ Вѣдомостей», предназначавшееся исключительно для провинціи. Въ этомъ второмъ изданіи подвергались порою критикѣ нѣкоторыя виттевскія реформы.

Однажды «Биржевыя Вѣдомости» едва не заплатились тяжелою карою за изложеніе взглядовъ С. Ю. Витте.

Витте произнесъ въ старомъ государственномъ совѣтѣ большую рѣчь по крестьянскому вопросу, вызвавшую всеобщіе аплодисменты, не совсѣмъ обычные въ этомъ высшемъ государственномъ учрежденіи. Отчеты о засѣданіяхъ государственнаго совѣта въ доконституціонное время въ газетахъ не печатались. Между тѣмъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» была воспроизведена полностью рѣчь С. Ю. Витте. Это вызвало большой переполохъ въ сферахъ. Цензурное начальство потребовало, чтобы редакторъ назвалъ лицо, доставившее рѣчь. Издатель кинулся къ С. Ю. Витте.

— Изворачивайтесь уже какъ-нибудь сами,—заявилъ С. Ю.:—а меня въ эту исторію не впутывайте!.. Впрочемъ,—успокоилъ онъ встревоженнаго издателя:—если вамъ будетъ угрожать серьезная опасность, я приду къ вамъ на помощь.

Одинъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» объявилъ себя авторомъ отчета о засѣданіи государственнаго совѣта,—и инцидентъ удалось кое-какъ замять.

С. Ю. Витте не былъ избалованъ особенно благожелательнымъ отношеніемъ къ нему печати. Исключеніе составляли «Биржевыя Вѣдомости». Еще въ 1903 году, когда Витте попалъ въ немилость, вслѣдствіе интригъ его «сферныхъ» недруговъ, главнымъ образомъ, В. К. Плеве, «Биржевыя Вѣдомости»—не безъ основанія—объясняли неудачи С. Ю. его отказомъ въ финансовой поддержкѣ предпріятій гг. Безобразова и К^о.

Второе провинціальное изданіе «Биржевыхъ Вѣдомостей» сразу получило широкое распространеніе въ провинціи, проникая въ самые отдаленные медвѣжьи углы. Своимъ завоеваніемъ русской провинціи газета почти всецѣло обязана была Д. А. Линеву, его

ежедневнымъ бесѣдамъ, за подписью «Далинъ», и смѣнившему потомъ Далина—І. І. Ясинскому.

Бесѣды Далина, писавшіяся съ большимъ паѳосомъ, который въ наше время показался бы нѣсколько наивнымъ, затрагивали всѣ современные «проклятые вопросы», будили общественную совѣсть горячимъ заступничествомъ за униженныхъ, оскорбленныхъ и обездоленныхъ.

Л. Н. Толстой въ своемъ романѣ «Воскресеніе» (въ лондонскомъ изданіи В. Г. Черткова и въ сохранившихся въ гранкахъ журнала «Нива» цензурныхъ купюрахъ) дѣлаетъ ссылку на Далинскіе очерки «По этапу», отзываясь о нихъ съ похвалой.

Бесѣды Далина въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» являлись чаще всего откликами на обывательскія жалобы, на притѣсненія и обиды со стороны провинціальныхъ Держимордъ. И всякій чѣмъ-либо обиженный смѣло шелъ къ Далину, увѣренный въ томъ, что найдетъ заступника въ его лицѣ и что далинскія безпощадныя обличенія не останутся безъ вниманія. И не одно обличеніе писателя служило поводомъ для официальнаго дознанія и слѣдствія!..

Какъ велика была популярность Далина, доказываетъ слѣдующій безпримѣрный въ лѣтописяхъ журналистики курьезъ.

Однажды г. Линева получилъ по почтѣ письмо со вложенными въ него 300 рублями, адресованными ему почитателемъ, богатымъ донскимъ казакомъ. Сообщая Далину, что выдаетъ дочь замужъ, казакъ просилъ писателя сдѣлать ему честь и почитать своимъ присутствіемъ его семейное торжество. Далинъ долженъ былъ сыграть роль генерала на купеческой свадьбѣ. Разумѣется, онъ поблагодарилъ за честь, вернуть присланныя деньги и на свадьбу не поѣхалъ.

Несмотря на популярность Линева, издателю «Биржевыхъ Вѣдомостей» пришлось разстаться съ нимъ, по совершенно незаконному требованію начальника главнаго управленія по дѣламъ печати М. П. Соловьева.

Кое-что объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ уходъ Д. А. Линева, рассказано было въ «Историческомъ Вѣстникѣ» І. І. Ясинскимъ, утвержденнымъ тогда редакторомъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», подписывавшихся долгое время двумя не утвержденными «за-редакторами» (Исполатовымъ и Коншинымъ). Узнавъ случайно о личномъ знакомствѣ Ясинскаго съ М. П. Соловьевымъ, издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» и выдвинулъ его кандидатуру, сочувственно встрѣченную бывшимъ начальникомъ главнаго управленія. І. І. Ясинскій замѣнилъ одновременно Далина, помѣщая провинціальныхъ бесѣды за подписью «Независимый».

Исчезновеніе Далина со столбцовъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» обратило на себя вниманіе провинціальныхъ читателей. Стали получаться запросы о причинѣ неоявленія Далинскихъ бесѣд. О характерѣ отвѣтовъ можно судить по слѣдующему факту.

Къ Линеvu является начальникъ депо отдаленной желѣзной дороги, выписывавшій газету во многихъ экземплярахъ для своихъ сослуживцевъ и подчиненныхъ.

— Пришеть навѣстить больного Далнна!—заявить онъ открывшему ему дверь Д. А. Линеvu.

— Далннъ предъ вами и, какъ видите, совершенно здоровъ...

Гость сразу не повѣрилъ. Оказалось, что онъ справлялся о причинѣ неоявленія Далннскихъ бесѣдъ и ему заявили, что бѣдный Далннъ психически заболѣлъ и писать теперь не можетъ. Огорченный болѣзнию своего любимаго писателя, подписчикъ счелъ своимъ долгомъ посѣтить его и проявить свое участіе къ постигшему его горю.

Какъ видите, не всегда читатель ограничивается тѣмъ, что «почитывается»!

Когда повѣяло весной, въ 1904 году, издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» посѣдѣшилъ снова залучить Д. А. Линева...

«Путь прочищенъ,— писалъ въ сентябрѣ 1904 года С. М. Проперъ своему старому сотруднику:—препятствій нѣтъ никакихъ и нѣтъ опасеній насильственнаго завладѣнія газетой элементами, столь мало общаго имѣвшими со всѣмъ тѣмъ, что мы вмѣстѣ создавали, что мы растили и любили»...

Издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей», какъ я уже говорилъ, чутко прислушивался всегда къ вѣяніямъ свыше. Въ эпоху В. К. Плеве онъ соблюдалъ благоразумную цензурную осторожность, а во дни свободы смѣло шелъ въ ногу съ самыми непримиримыми протестантами. Кто работалъ въ суровое плевенское время, помнитъ, какъ третировались редакторы, вызывавшіеся для «внушеній» самимъ министромъ или начальникомъ главнаго управленія.

Я началъ свою работу въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» въ плевенскую эпоху, когда издатель, какъ я говорилъ, особенно боялся за свою газету. Даже уѣзжая за границу, онъ время отъ времени напоминалъ въ письмахъ и телеграммахъ оттуда о необходимости беречь газету пуще зѣницы ока: въ моемъ архивѣ случайно сохранился одинъ такой любопытный документъ, полученный мною въ не столь суровое цензурное время.

Кто пережилъ въ Петербургѣ событія 9-го января, помнитъ, какое волненіе умовъ они вызвали. Въ редакціяхъ газетъ атмосфера была особенно густо насыщена электричествомъ. Самые мирные журналисты встрепетались. Редакція «Биржевыхъ Вѣдомостей» получила тогда боевое крещеніе. Молодой симпатичный сотрудникъ Баранскій, подвизавшійся, между прочимъ, на сценѣ въ

театръ М. Б. Яворской, погибъ отъ шальной пули при исполненіи имъ своихъ газетныхъ обязанностей.

Въ редакціи, естественно, возникъ вопросъ, какъ реагировать на событія 9-го января. На своихъ редакціонныхъ собраніяхъ, происходившихъ въ моей квартирѣ, по сосѣдству съ редакціей, сотрудники выработали съ рѣдкимъ единодушіемъ рядъ требованій-ультиматумовъ, предъявленныхъ издателю. О событіяхъ газета не должна была помѣщать официальныхъ сообщеній. Въ редакціонной статьѣ слѣдуетъ дать надлежащую оцѣнку событіямъ. Отнынѣ руководящія статьи должны проходить черезъ особый редакціонный комитетъ и т. д...

С. М. Пропперъ согласился не воспроизводить официального сообщенія о 9-мъ января; вопросъ же о руководящихъ статьяхъ въ редакціонномъ комитетѣ остался открытымъ. Тѣмъ временемъ возникшій тогда союзъ печати выработалъ однообразное заявленіе для всѣхъ газетъ, гласившее: «О событіяхъ 9-го января и послѣдующихъ дней мы имѣемъ возможность печатать только правительственные сообщенія, официальные свѣдѣнія и извѣстія, пропущенныя цензурой г. спб. генералъ-губернатора».

Въ то время, когда «начальство ушло», и печать явочнымъ порядкомъ завоевала себѣ значительную свободу, издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» отнюдь не шель позади другихъ. Да и не могъ онъ отстать отъ другихъ въ то памятное время всеобщаго подъема, когда въ редакціи «Новаго Времени» собирались редакторы-протестанты, когда покойный А. С. Суворинъ предлагалъ залъ Малаго театра для митинга протеста по поводу закрытія типографіи «Трудъ» и т. д.

Съ 19-го октября по 24-е ноября 1905 года, до обнародованія временныхъ правилъ о печати, журналисты и цензора были въ полномъ невѣдѣніи о томъ, что дозволено и что запрещено. Съ одной стороны, манифестъ 17-го октября призналъ свободу слова; циркулярно же было объявлено 19-го октября главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати, что всѣ правила цензурнаго устава остаются въ силѣ, рекомендуется лишь цензорамъ кореннымъ образомъ (?) измѣнить свое отношеніе къ печати.

Когда я въ 20-хъ числахъ октября вернулся изъ отпуска, издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» объявилъ, что законы о печати временно упразднены, что отнынѣ не слѣдуетъ фильтровать матеріалъ съ точки зрѣнія цензурности, ибо теперь у насъ свобода.

— Да здравствуетъ свобода!..—сказалъ я и въ тотъ же день помѣстилъ воззваніе почтово-телеграфныхъ забастовщиковъ, напечатанное одновременно и въ другихъ изданіяхъ и приведшее редактора-издателя «Биржевыхъ Вѣдомостей», а за компанію и меня на скамью подсудимыхъ по 129 статьѣ.

Не подписывая газеты, я, разумѣется, никакой юридической ответственности не подлежалъ. По слѣдовательно было заявлено, что С. М. Проннеръ стоялъ въ сторонѣ отъ газеты по болѣзни, а фактически редактировалась она мною. На судѣ редакторъ-издатель «Виржевыхъ Вѣдомостей» высказалъ свое полное недоумѣніе по поводу привлеченія меня къ суду.

Разсчитывая на свои собственные силы, редакторъ-издатель «Виржевыхъ Вѣдомостей» пригласилъ себѣ въ помощь родственника-адвоката, мало свѣдущаго въ уголовныхъ дѣлахъ, и неважнаго оратора. Мой выборъ палъ на присяжнаго повѣреннаго З. Л. Ранпопорта.

Своею талантливою защитою мой адвокатъ сумѣлъ добиться оправданія не только для своего подзащитнаго, но и для редактора газеты.

Оправдательный приговоръ особаго присутствія судебной палаты съ сословными представителями былъ опротестованъ прокуроромъ. Снова мы очутились на скамьѣ подсудимыхъ. У пюпитровъ для защитниковъ тѣ же лица.

Еще въ своемъ послѣднемъ словѣ при первомъ разборѣ дѣла я указалъ, что въ теченіе трехъ десятковъ лѣтъ завѣдывалъ газетами и ни разу не привлекался къ суду, ибо законъ знаетъ только отвѣтственныхъ редакторовъ. Очевидно, и прокуроръ сталъ на ту же точку зрѣнія и при вторичномъ разборѣ нашего дѣла отказался поддерживать обвиненіе противъ меня.

— Скажите вашему защитнику, чтобы онъ отказался отъ своей защитительной рѣчи,—шепнулъ мнѣ г. Проннеръ,

— Какъ вамъ угодно!—отвѣтилъ защитникъ, когда я передалъ ему желаніе издателя:—но я долженъ васъ предупредить, что для суда необязательно заявленіе прокурора, и судъ и послѣ отказа прокурора отъ обвиненія можетъ вынести обвинительный приговоръ.

— Въ такомъ случаѣ, прошу васъ, исполните вашъ долгъ...—сказалъ я.

Присяжный повѣренный Ранпопортъ, котораго я не могъ, разумѣется, ограничивать въ способахъ защиты, построилъ послѣднюю на томъ, что по 129 ст., карающей бунтарей, не можетъ быть судимъ такой мирный человѣкъ, какъ С. М. Проннеръ. Доказывая далѣе, что помѣщеніе въ хроникѣ замѣтки о почтово-телеграфной забастовкѣ не можетъ быть приравнено къ потрясенію основъ государства, защитникъ заявилъ:

— Ни съ какой стороны патронъ моего подзащитнаго, издатель-редакторъ «Виржевыхъ Вѣдомостей», не похожъ, право, на потрясателя основъ и революціонера. Онъ издаетъ много лѣтъ не отличавшуюся никогда революціоннымъ направленіемъ газету. Взгляните на него, и вы, г.г. судьи, убѣдитесь, что это совершенно мирный буржуа, а отнюдь не революціонеръ...

Въ дальнѣйшей части своей рѣчи защитникъ доказывалъ, что, разъ не виноватъ отвѣтственный редакторъ, то еще менѣе основанія обвинить его помощника, не посившаго по газетѣ никакой юридической отвѣтственности.

Я былъ оправданъ, а редакторъ-издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» приговоренъ къ заключенію на годъ. Впослѣдствіи сенатъ отмѣнилъ этотъ обвинительный приговоръ.

С. М. Пропперу злополучный процессъ помѣшалъ попасть въ выборщики и баллотироваться въ депутаты отъ Петербурга въ государственную думу...

Въ концѣ 1905 года издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» вступилъ въ переговоры съ кадетами о передачѣ имъ своихъ изданій. Ближайшимъ поводомъ для этого союза послужило слѣдующее обстоятельство.

Сотрудниками газеты выработана была въ концѣ 1905 года цѣлая редакціонная конституція, въ силу которой, вслѣдствіе измѣнившихся условій русской жизни, образуется редакціонный совѣтъ, зорко слѣдящій за направленіемъ газеты и ограничивающій права и прерогативы редактора-издателя. Отказъ сотрудниковъ и приглашеніе новыхъ зависятъ отъ редакціоннаго совѣта и т. д.

Конституція была предъявлена г. Пропперу, при участіи коего приступлено было къ ея обсужденію. Тѣмъ временемъ издатель, при посредничествѣ одного изъ сотрудниковъ, вступилъ въ переговоры съ кадетами о передачѣ имъ газеты. Обсужденіе редакціонной конституціи кончилось тѣмъ, что издатель заявилъ однажды сотрудникамъ:

— Вы признали, господа, необходимымъ ограничить мои редакторскія прерогативы, считая меня недостаточно подготовленнымъ для веденія газеты при новыхъ условіяхъ русской жизни. Отлично!.. Я рѣшилъ послѣдовать вашему совѣту. Я отказываюсь совсѣмъ отъ своихъ редакторскихъ правъ, но не въ вашу пользу, а въ пользу тѣхъ новыхъ лицъ, съ которыми я вошелъ нынѣ въ соглашеніе. Газета становится органомъ кадетской партіи...

Въ результатъ—почти весь редакціонный составъ перемѣнился.

«Биржевыя Вѣдомости» были переименованы въ «Свободный Народъ», первый номеръ котораго вышелъ 1-го декабря 1905 года. Всѣ изданія С. М. Проппера перешли къ тріумвирату, состоявшему изъ П. Н. Милюкова, І. В. Гессена и М. И. Ганфмана. Въ силу договора С. М. Пропперъ самъ устранился отъ какого-либо вмѣшательства въ редакціонныя дѣла и отчасти въ издательскія. Былъ выработанъ бюджетъ, въ предѣлахъ котораго кадеты могли распоряжаться по своему усмотрѣнію.

За мною были сохранены прежнія обязанности, и я не безъ удовольствія вспоминаю о своихъ сношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ новыхъ распорядителей газеты.

«Свободный Народъ» просуществовалъ недолго, всего два дня. Въ первомъ номерѣ помѣщена была немало огорчившая издателя суровая критика дѣятельности премьера графа С. Ю. Витте.

Въ номерѣ второмъ «Свободнаго Народа» напечатанъ былъ манифестъ совѣта рабочихъ депутатовъ, и газета была прекращена.

Черезъ двѣ недѣли, вмѣсто «Свободнаго Народа», стала выходить «Народная Свобода», при томъ же составѣ сотрудниковъ. Черезъ нѣсколько дней, 20-го декабря, была напечатана статья П. В. Струве о московскомъ вооруженномъ возстаніи, повлекшая за собою закрытіе и «Народной Свободы». Судъ въ послѣдствіи оправдалъ редактора и автора инкриминированной статьи, снявъ арестъ съ конфискованнаго номера «Народной Свободы», но газета возобновлена не была.

По договору, кадеты имѣли право требовать возобновленія газеты подъ новымъ названіемъ, но г. Пронперъ не склоненъ былъ продолжать союзъ съ кадетами, которымъ давно тяготился, тѣмъ болѣе, что его издательско-редакторское самолюбіе, какъ онъ жаловался не разъ, подвергалось уколамъ. Дошло до того, рассказывалъ онъ, что молодой человѣкъ, исполнявшій секретарскую обязанность, обратился къ нему однажды:

— Прикажете, пожалуйста, починить форточку въ секретарской.

— Объ этомъ заявите редакціонному сторожу!—рѣзко отвѣтилъ издатель.

Въ моихъ замѣткахъ, посвященныхъ «Виржевымъ Вѣдомостямъ», имѣются, безъ сомнѣнія, весьма важныя пробѣлы. Я далъ лишь нѣкоторые камешки для картины-мозаики, составленіемъ которой займется кто-нибудь другой. Я, поэтому, воздерживаюсь здѣсь отъ какихъ-либо обобщеній и выводовъ изъ рассказанныхъ мною эпизодовъ. Одно несомнѣнно: «Виржевыя Вѣдомости» въ нѣкоторые трудные періоды русской жизни служили дѣлу прогресса. Своимъ успѣхомъ изданія С. М. Пронпера обязаны его энергіи, предпріимчивости, чуткости и нѣсколькимъ поколѣніямъ писателей и журналистовъ, изъ коихъ иныхъ уже нѣтъ, а тѣ далече. Въ самое послѣднее время г. Пронперъ рѣшилъ воздать должное своимъ помощникамъ и сотрудникамъ, сдѣлавъ однихъ «сосѣтерами», а другихъ—участниками въ прибыляхъ...

Если бы этотъ планъ издательскаго великодушія имѣлъ мѣсто двумя-тремя годами раньше, то покойный В. П. Далматовъ, отличавшійся большою язвительностью, не выступилъ бы, быть можетъ, на банкетѣ у своего давнишняго знакомаго С. М. Пронпера со слѣдующимъ застольнымъ спичемъ:

— Вся эта роскошь, господа, которую мы видимъ здѣсь вокругъ себя, всё эти серебряные сервизы, фарфоровыя вазы, художественныя люстры, позолоченная мебель, дорогія картины,—все это создано скудно оплачиваемымъ трудомъ тѣхъ маленькихъ людей, которые скромно сидятъ вотъ тамъ, въ сторонѣ, или отсутствуютъ, находясь либо въ мѣстахъ болѣе или менѣе отдаленныхъ, либо тамъ, гдѣ нѣтъ ни издателей, ни газетъ...

Надо отдать справедливость С. М. Пропперу: онъ отнесся весьма незлобиво къ ораторской вольности своего гостя, чокнувшись съ нимъ... Добрыя отношенія между ними сохранились до самой кончины Далматова.

На столбцахъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» приходилось за время ихъ существованія встрѣчать статьи писателей, направлявшихъ неоднократно свои перья противъ газеты и лично противъ издателя...

А. Кауфманъ.

